

The background of the entire cover is a vibrant red with intricate, swirling, and marbled patterns in shades of orange, black, and white, creating a dynamic and textured effect.

Михаил Белозеров

Дорога мертвецов

**серия: Эпоха Пятизонья
первая книга**

фантастика

Эпоха Пятизонья

Михаил Белозёров
Дорога мертвецов

«Остеон-Групп»

2011

Белозёров М. Ю.

Дорога мертвецов / М. Ю. Белозёров — «Остеон-Групп» ,
2011 — (Эпоха Пятизонья)

ISBN 978-5-85689-229-0

Здесь убивает все: аномальные «поля» и ловушки, растения и звери, мутанты и люди. Здесь воздух пропитан смертью. Его рассекают тяжёлые снайперские пули, разогревает адский жар раскаленных песчаных ям, сотрясают залпы артиллерии сталкерского бронепоезда. Но это мало кого останавливает. На Зону проникают охотники за артефактами, искатели приключений. Сюда отправляется и тележурналист Костя Сабуров. Зона расширяется вглубь. В ней открывается Дыра – иной, ни на что не похожий мир, полный артефактов. И все ищут Сердце Дыры. Там находится самый желанный артефакт. Книга также выходила под названием «Золотой шар».

ISBN 978-5-85689-229-0

© Белозёров М. Ю., 2011

© «Остеон-Групп» , 2011

Содержание

Глава 1. Беглец	6
Глава 2. Лес и ловушки	19
Глава 3. Авто Зона	32
Глава 4. Бронепоезд	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Михаил Белозёров

Дорога мертвецов

Крыловой Наташе в знак памяти

Глава 1. Беглец

Он даже не сразу понял, что их линчевали. Вначале обстреляли, а потом выдернули тех, кто остался жив, и принялись избивать прикладами – с чувством, с толком, с расстановкой, словно получали удовольствие.

Он уже потом сообразил, что пост был фальшивым и что это не современные полицейские, а из той, из прошлой войны, со значками ОУН¹, вооруженные старыми винтовками. Экзекуцией управлял брезгливый эсэсовец с тонкими губами, а ему помогали пожилой ефрейтор и два рядовых со «шмайсерами».

Его-то ударили всего раза два, но так, что он волчком завертелся на дороге и только после этого бросился бежать.

– Гляди!.. Гляди!.. – кричали ему в след с удивлением. – Як заяц!.. – и выстроившись вдоль дороги, стали палить почем зря. Но только подстегнули его. Едва коснувшись земли, он совершал такой резкий бросок в сторону, что почти летел над землей, вот-вот готовый упасть, но почему-то не падал. Стебли сухой травы стегали его по ногам, пальцы кровоточили, ногти были содраны о камни, но он не замечал боли.

Вначале они стреляли лениво. Немцы – даже поверх головы, полагая, что он не пробежит и двух десятков метров. Но те, кто стреляли прицельно, вначале удивились, а потом их охватил азарт, потому что в тот момент, когда они нажимали на курок, беглец совершал такой невероятный зигзаг, что пули ложились в метре от него. Вот тогда-то они и принялись стараться вовсю Ивановскую, на пари, но только зря тратили патроны. И первый раунд он выиграл.

Тогда они спустились в поле и борзо побежали вслед. Но сразу потеряли то преимущество, которое имели на дорожной насыпи. Кустарник и трава скрадывали беглеца. А метко стрелять на звуки они не умели, да и пули рикошетили от веток.

Эту первую паузу, которую ему подарили, он использовал с лихвой. Не раздумывая, бросился в колючие заросли акации. Прошел сквозь них, как слон сквозь траву, разорвав в клочья джинсовую куртку, но всего лишь расцарапал плечо, и, выскочив на склон крутого оврага, скатился вниз, сломав с полдюжины молодых кленов, а затем в три прыжка преодолел стенку оврага.

Тогда-то они его и заметили, и снова принялись палить, хотя расстояние было большое. Но в тот момент, когда беглец взобрался наверх, закричали:

– Ура!

Потому что беглец упал и они решили, что подстрелили его. Многие из них тоже сгоряча скатились в овраг. И только оказавшись на дне его, поняли, какой он глубокий и какие крутые у него склоны. Те же, кто предпочли его обежать, только потеряли драгоценное время. А когда все же добрались до того места, где упал беглец, то там никого уже не было, как не было и следов крови.

Тогда полицаи во главе с эсэсовцем развернулись в цепь и принялись прочесывать лес по всем правилам облавы.

– Дальше Зоны все равно не уйдет! – говорили они, беззлобно посмеиваясь.

– Куда ж ему деваться! – соглашались другие. – Все одно – Зона!

Это слово они выговаривали с оглядкой, словно речь шла о Боге, которого нельзя было дразнить. Даже немцы, которые с презрением относились к полицаям, при слове Зона вытягивались и щелкали каблуками.

– Шнель, шнель... – лениво командовал эсэсовец, поигрывая «вальтером» в руках. – Догоним этого молодца и шкуру спустим. Заставил, стервец, бегать!

¹ ОУН – организация украинских националистов.

Его хромовые сапоги были в грязи. Ромашки оставили на бриджах желтую пыльцу. Да и воротничок кителя взмок. А в остальном этот сухой, лощеный офицер ничуть не изменился, словно пробежка по лесу была для него привычным делом.

К этому времени беглец миновал лес и выскочил на широкое холмистое поле. Если лес, из которого он выбежал, был диким и заросшим – дальше некуда, то по ту сторону поля он, вообще, был темен и мрачен, с гниющим валежником, ржавыми болотами без кочек и с ручьями, скрытно текущими под папоротниками. Конечно, беглец этого не мог видеть, но ощутил, словно в нем проснулось шестое чувство.

Он не оглянулся, хотя слышал преследователей и знал, что даже если побежит изо всех сил, то все равно не успеет пересечь поле и скрыться в лесу. Не рассуждая ни мгновения, он бросился по прямой к ближайшему холму. Несколько раз он едва не упал, потому что поверхность поля была неровной и под белесо-зеленой травой скрывались промоины и кочки. Над проплешиной холма в небо поднимался столб горячего воздуха. Пахло серой, как будто в преисподней.

Беглец почти уже добежал до холма, чтобы укрыться за ним, когда полицаи наконец появились из леса и стали стрелять.

«Бух! Бух!» – били винтовки, но как-то вяло, вразнобой. «Шмайсеры» же вообще почему-то молчали. И хотя беглецу снова пришлось бежать зигзагами, он невольно оглянулся: офицер стоял поодаль ото всех и что-то втолковывал своим солдатам. Один немец побежал по правому флангу, второй – по левому, часть полицаев побежала прямо, а часть осталась у кромки леса и продолжала стрелять, чтобы притормозить беглеца.

– Куда, болван, куда-а-а! – задумчиво произнес офицер, глядя, как, петляя, улепetyвает беглец, и в глазах у него промелькнуло любопытство.

– Господин капитан, может быть, подстрелить его в конце концов? – поинтересовался ефрейтор, у которого под носом на загорелом лице белела щеточка седых усов.

– Гоните его на проволоку! – отрезал капитан. – Где и возьмем.

– Там же мины!

Впрочем, голос у ефрейтора был равнодушен, как у всякого профессионала, исполняющего служебный долг.

– Ну, значит, такова судьба, – пожал плечами капитан и ступил на поле.

Беглецу удалось миновать холм и скрыться за ним. Теперь он мчался по прямой так, что в ушах свистел ветер, и ни разу не оглянулся, чувствуя, что его поджигают с флангов. Он не понял задумки преследователей, а из последних сил пытался добежать до спасительного леса.

Однако все же добежал и не только потому что очень старался, а еще и потому что полицаи почти не стреляли, а если и стреляли, то почему-то в воздух, и уже не бежали, а просто шли, растянувшись дугой и добродушно посмеиваясь. Однако, не дойдя метров ста до леса, остановились и принялись кричать:

– Эй, дурень! Вертайся!

– Мины там... Мины!

– Едрить твою налево! – удивлялись они.

– Вот олух царя небесного?!

Его ждало разочарование, потому что выскочив на перепаханную полосу, он увидел перед собой проволочный забор под напряжением, а за ним еще один, пониже, тоже с проволокой и изоляторами. Казалось, что они даже гудят, как сто тысяч гнезд шершней.

– А ведь уйдет?... – произнес ефрейтор, не веря самому себе, и вопросительно посмотрел на капитана.

Капитан пожевал губами, хотел высказаться насчет этих проклятых мин, а потом командовал:

– Ну так чего вы стоите?! Стреляйте! Стреляйте!

– Внимание! – крикнул ефрейтор, глядя направо и налево. – Огонь на поражение! Пли!

Как беглец это сделал, он и сам не понял. Если бы он задумался хоть на мгновение, у него бы ничего не вышло. Со стороны это выглядело так, словно он взлетел. На самом деле, он все же один раз коснулся самого нижнего изолятора. Правда, и этого оказалось более чем достаточно. В следующее мгновение он уже находился по ту сторону первого забора, а затем второго, и скрылся в лесу.

– А ведь он наверняка побил олимпийский рекорд, – удивленно сказал капитан. – Десять метров! Даже арийцы на такое не способны!

– Так точно! – нехотая отозвался ефрейтор. – Прошел два ограждения и два минных поля!

Капитан поморщился. Он не любил проигрывать. Надо было сразу застрелить, подумал он.

– Ну так теперь уже ничего не поделаешь. Сходить за ним в Зону, что ли? Не может быть, чтобы он был славянином.

Беглец был так напуган, что бежал, а вернее, брел еще очень долго, переплыл две протоки, заросшие кувшинками и лилиями, миновал линию столбов с обвисшими проводами и только на твердой, сухой земле упал и силы оставили его.

Если бы он оказался посмелее и вернулся к проволочному забору, то увидел бы, как полицаи во главе с эсесовцем погружались в ближайшую пропешину холма: в столб горячего воздуха шагнул офицер, за ним по одному – солдаты и полицаи, замыкал же строй ефрейтор. Напоследок ефрейтор внимательно посмотрел на темный лес и погрозил кулаком непонятно кому. Столб горячего воздуха пропал, отверстие само собой запечаталось, на месте его осталось лишь желтая, как на вулкане, поверхность.

* * *

– Эй, паря... – кто-то потряс его за плечо.

– А... – он слабо шевельнулся.

Человек обрадовался:

– Я думал, ты мертвяк, а ты живой.

– Живой... – повторил беглец и попытался сесть, но даже не смог разогнуться.

Страшная боль сковала его, и он схватился за живот.

– Мертвяков здесь навалом, – согласился человек, – а из живых пока только я один.

– Больно... – простонал беглец, – больно...

– Где больно? – наклонился человек.

– В животе...

Тогда человек схватил беглеца в охапку и потащил в дом, который стоял на опушке под сенью леса.

– На-ка, паря, выпей, – сказал он, уложив беглеца на топчан.

Беглец с трудом сделал два глотка и провалился в беспамятство. Однако через некоторое время ему стало легче, он открыл глаза, вытянул ноги и с облегчением вздохнул.

– Ну что, отошел? – спросил круглолицый человек и представился: – Ты не бойся, я лесник.

– Я и не боюсь.

– Зовут меня Семеном Тимофеевичем.

– А меня Костя Сабуров, – произнес беглец.

Он сразу поверил человеку, потому пахло в избе по-особому – свежо, а по углам висели пучки трав. Знахарь, решил Костя.

– Ну слава богу, что не черный сталкер! Вот и познакомились, – добродушно кивнул Семен Тимофеевич. – Давай-ка еще выпей, но всю кружку до дна, залпом.

Был он в мягкой клетчатой рубаше и безрукавке на меху. Типичный лесной дед, крепкий, как дуб. Отшельник, только стриженный под армейца. На висках – седина.

Памятуя, что первый раз помогло, Костя проглотил жидкость, похожую на кефир, и через мгновение ему вообще стало хорошо, тяжесть и боль отступили, хоть танцуй. Он снова провалился в странное состояние небытия, но вскоре очнулся и даже попытался встать.

– Лежи, лежи, – предупредил Семен Тимофеевич, возясь с русской печью, и поставил перед топчаном таз из-под рукомойника, – сейчас тебя тошнить начнет.

И действительно, не успел он произнести фразу, как Костю вырвало.

– Что это? – стонал он, качаясь над тазом, в котором среди сгустков крови копошились какие-то червяки. Косте показалось, что они с удовольствием пожирали эти самые сгустки.

– Это твое спасение, – пояснил Семен Тимофеевич. – А теперь ложись и спи.

– А что у меня было? – спросил Костя.

– Кровотечение, паря. Кровотечение в животе.

– А что это за червячки?

– Это все Зона. Считай, что она тебе помогла.

Зона, с теплотой подумал Костя Сабуров, не успев удивиться и принимая происходящее как должное или как продолжение событий с немцами. Та самая. Таинственная и загадочная. Я и не мечтал в нее попасть.

– Откуда ты такой? – спросил Семен Тимофеевич.

Сквозь наваливающийся сон Костя пробормотал:

– Тележурналист... из Москвы... «Рен-тиви»...

– Ишь ты? – удивился Семен Тимофеевич. – Ну спи, спи, – и укрыл его рукодельным одеялом из разноцветных лоскутков. – Х-х-х... журналист... «Рен-тиви»... а я думал, черный сталкер... Бывает же...

Потом он поставил вариться картошку, сходил на огород за зеленью. И все поглядывал в окно, явно кого-то ожидая.

* * *

Его разбудили громкие голоса и шаги.

– Ну, что скажешь? – говорил кто-то уверенно, как обычно говорят командиры крупных соединений, люди, обладающие харизмой.

– Так-к-к... чего?.. – осуждающе хмыкнул Семен Тимофеевич, – я ведь вас третью неделю жду. – Все гляделки выглядел, – и кивнул в сторону окна.

– Не могли мы раньше, понимаешь? Дела были, отец, дела...

– Все, – развел руками Семен Тимофеевич, – ситуация изменилась.

– Что значит, «все»? – спросил все тот же человек, усаживаясь на лавку, которая тяжело закрипела под ним.

– Я туда давеча хаживал, Калита, – словно извиняясь, вздохнул Семен Тимофеевич. – Закрылась Дыра. Закрылась.

Он так и сказал: Дыра! Костя сразу понял, что о таком говорят только с придыханием и с заглавной буквы, и никак по-другому.

Он лежал за печкой, в закутке, за ситцевой занавеской. На ее поверхности отражались тени нескольких высоких и плечистых людей, которые, рассаживаясь вокруг стола, бряцали оружием, топали сапогами и громогласно разговаривали. Травили анекдоты – в основном, о хитром черном сталкере, который выходил сухим из воды в любой ситуации. В ходу были выражения «ложка черного сталкера», «знак черного сталкера», «фляжка черного сталкера».

– Ну что, давай тогда карту?! – предложил Калита.

– Сейчас, – отозвался Семен Тимофеевич.

– А кто у тебя здесь? – спросил кто-то и отдернул занавеску. – «Турист»?

Костя невольно приподнялся. Вошедшие уставились на него так, словно он был инопланетянином. В избе повисла тишина.

– Журналист, – ответил Семен Тимофеевич так, словно нашел не человека, а щенка. – На болоте лежал.

– Я же говорю, «турист», – бросил кто-то.

– Так это из-за тебя сегодня сыр-бор? – спросил Калита, с любопытством глядя на Костю. – Все КПП на уши поставлены. БЛА² запустили. Нам на хвост упали. Едва ушли.

Рядом с ним на столе возвышался зеленый шлем с зеленоватым забралом. А сам он был в мягкой броне типа «булат». Такую броню Костя видел всего один раз, на закрытой выставке в Туле. Было это полгода назад, тогда эта броня считалась экспериментальной. Теперь она будто бы пошла в войска. Остальные были одеты кто во что: двое – в кевлар, усиленный стальными пластинами, один – в зеленый траварон, другой – в аромидную форму, еще один – в простую армейскую камуфляжку. И оружие серьезное: от «калашей» всех типов, с подствольниками и без них, до одного девятимиллиметрового «винтореза», ручного пулемета ПКМ, касетного гранатомета РГ-6 и шести «мух», небрежно сваленных в угол. А рядом с самым здоровым – Куоркисом – стоял, прислоненный к стенке, еще один гранатомет, но побольше – РПГ-27. У печи горой были сложены рюкзаки – с ковриками, спальниками и накомарниками.

– Наверное, – согласился Костя и осторожно сел на топчане, прислушиваясь к себе.

Самое удивительное заключалось в том, что тело совершенно не болело. Ну разве что ступня правой ноги, которую он подвывихнул. А вот в голове еще звенело. Но это от слабости. Костя невольно посмотрел, что накрыто на столе, и облизнулся.

– Кто за тобой бегал? – шесть пар глаз вопросительно уставились на него.

Костя хотел рассказать, что фашисты из прошлого, а потом решил, что это прозвучит дико. Ведь такого не могло быть. Ведь если бы люди приходили из прошлого, то такой факт был бы давно зафиксирован наукой, и все такое. А уж их брат телевизионщик обязательно растрюбил бы на весь мир. Поэтому говорить о фашистах из прошлого было нельзя ни при каких обстоятельствах.

– Бандюги какие-нибудь из прошлого?.. – словно угадал Калита.

– Ну говори! Говори! – подтолкнул кто-то в бок.

– Что-то вроде этого... – смущенно пробормотал Костя.

– Нет, так парень, не пойдет, – заверил его Калита. – Иди сюда и расскажи подробно, но без фанатизма.

Пришлось Косте сесть за стол и подробно рассказать обо всем, что с ним произошло. Между делом он съел пару картошин и пучок сладкого лука. Такого лука он прежде не ел. А еще смолот здоровенную краюху сытного домашнего хлеба, но самое главное – выпил чарку водки, и его немного развезло. Концовку он только скомкал. Не стал говорить, как через два забора перепрыгнул. А о том, что через минные поля прошел, он даже и не догадывался. Но его с недоверием спросили:

– А через минные поля ты что, перелетел?

– Через какие поля? – удивился Костя и покраснел.

– По обе стороны заборов на расстоянии метров пятидесяти все заминировано, – объяснили ему со сдержанной доброжелательностью.

– Я не знаю... – упавшим голосом ответил Костя, – я просто бежал, и все.

² БЛА – беспилотный летающий аппарат.

Он с детства испытывал дискомфорт, когда взрослые ему не верили. А когда объяснялся с любимой девушкой Ирой, вообще, можно сказать, пережил шок, потому что она не восприняла его слова всерьёз. Несерьёзным был Костя Сабуров человеком. Это все признавали. Он и теперь больше всего боялся, что ему не поверят.

– Ну, считай, что тебе несказанно повезло, – резюмировал Калита.

– Почему? – спросил Костя, вздохнув с облегчением.

– Последний раз немцы сюда забредали, знаешь когда?

– Когда? – наивно спросил Костя.

– В сорок втором!

Все засмеялись, глядя на его растерянное лицо.

– А если серьёзно, если появились, то, значит, заинтересовались Дырой. Слышь, Леонид?

– Да слышу, слышу, – отозвался Куоркис.

Костя выпучил глаза. В башке у него заклинило. Он никак не мог до конца поверить в то, о чем они говорили. Не учили его этому никогда и нигде, к тому же он свято верил во все теории Эйнштейна, в «большой взрыв», энтропию и Дарвина.

– Здесь много, кто ходит, – объяснил кто-то из бойцов, кажется, тот, кого Калита пару раз назвал Дубасовым.

– Например, черный сталкер! – хохотнул кто-то из молодых. – А селедка есть?

– Какая, к черту, в Зоне селедка?! Обойдешься без селедки.

– Селедка в Зоне дефицит, – поучительно сказал Семен Тимофеевич.

– А кто такой черный сталкер?

– Кто такой черный сталкер? – переспросил Калита. – Хм... Никто его не видел, понимаешь. Говорят, он ходит по Зоне без оружия. Ничего и никого не боится.

– А еще хитер, как бес! – подсказал молодой сталкер.

– Как теща! – хохотнул кто-то.

– А еще он вечен, – сказал Калита. – Вроде бы из новой формации людей.

– Вот он один хабар и таскает, – сказал Дубасов. – Ему одному и везет.

– А почему «черный»? – спросил Костя.

– Да потому что Дыра дает такой загар.

– Так он что, в Дыру ходит?

– А куда еще?! – удивился Дубасов. – Знаешь, какой там товар?!

– А еще потому, что работает исключительно на черный рынок.

– Говорят, у него дворец на Гавайях, но он любит наш климат.

– Патриот, что ли?

– Да что-то вроде этого.

– Какой, к черту, патриот?! Просто привык парень к холодному климату, его на юга и не тянет.

– Нет, он патриот!

– Да иди ты в пень!

– А я говорю, что патриот!

– Немцы могли тебя запросто убить, могли и с собой забрать в какой-нибудь концлагерь, – не обращая внимания на перепалку, сказал Калита.

– Запросто! – подтвердил Куоркис. – Я их знаю! Пару раз сталкивались.

– Кстати, будешь писать, не забудь, что меня зовут Калитин Андрей Павлович. Старший механик Чернобыльской АЭС.

– Это ж было черти когда?! – вырвалось у Кости.

– Не так уж и давно, – сдержанно ответил Калита. – Но с тех пор вот маюсь.

– Да мы все маемся, – засмеялись сидящие за столом.

Была в их словах какая-то грустинка. И даже не грустинка, а покорность перед обстоятельствами. Только Костя Сабуров ничего не понял. Не было у него опыта по этой части.

– А ты думаешь, почему мы все такие молодые? – спросил вертолетчик Сергей Чачич, единственный старше всех, кроме Семена Тимофеевича. – Мы старые! Это Зона нас оставила навечно молодыми.

Костя покосился на его товарищей. Были они все как на подбор, плечистые и высокие – качки. Сытые и упитанные. Шутят, что ли? – подумал он. Точно шутят, потому что, например, у крайнего справа то ли по фамилии, то ли по кличке Мамыра даже юношеский румянец на щеках. И лет ему, как и Косте, от силы двадцать один, не больше.

– А мы все мутанты, – шутливо сказал с противоположного края стола Дубасов, спасатель из Изюма с обожженным лицом.

И все засмеялись – весело и беспечно, словно не сидели в самом жутком месте на Земле – в Зоне. Так могли смеяться только бывалые люди – сталкеры.

– Не бери в голову, – посоветовал большой Куоркис, бывший технолог четвертого реактора, – сталкеры мы, сталкеры. А все сталкеры – братья!

– Так бы и сказали... – смущенно пробормотал Костя, списывая разговоры о пришельцах на байки, и отправился на топчан досыпать, тем более что его все же сморило.

– Ну, давай, Семен Тимофеевич, карту, что ли, – сказал Калита, – помозгуем.

* * *

Он проснулся рывком. Странный, жуткий крик стоял в ушах – вроде бы одновременно во сне, в избе и снаружи.

Занавеска была отдернута, и на фоне окон, в которые падал лунный свет, двигалась человеческая тень. Потом он услышал шепот Калиты:

– Венгловский! Трое с пулеметом на чердак и сигайте на ту сторону!

Послышалось бряцание оружия. Затем – мягкие, почти кошачьи шаги, совсем не похожие на те, когда компания ввалилась в дом. Действительно, сталкеры, убедился Костя.

Венгловский – бывший боксер, Андрей Дубасов и вертолетчик Сергей Чачич бесшумно поднялись на чердак.

– Остальные приготовьтесь!

– Мы готовы!

– Эй, а его?..

– Кого?

– Ну, его?..

– Журналиста, что ли?

– Костя, спишь? – тревожно спросил Семен Тимофеевич.

Из темноты приблизилась тень.

– Нет... – ответил он.

Его трясло, как в лихорадке. А зубы просто разламывались от боли, словно перед экзаменами. У Кости был друг, на которого перед экзаменами нападала медвежья болезнь, поэтому за два дня до сессии он ничего не ел, иначе бы сидеть ему вместо экзаменов на стульчаке в туалете. Так и спасался. Костя же отделялся зубами.

– На... – Семен Тимофеевич сунул ему в руки что-то мягкое.

В этот момент снаружи взорвалась граната. Дождем посыпались стекла, и началась стрельба. Застрочил пулемет. Грохнуло еще, и еще. А потом дом зашатался. Комнату заволкло дымом. И человек закричал на высокой ноте. Он кричал так, словно ему пилили ногу. Вот это крик и слышал Костя, только на две минуты раньше.

Потом он куда-то побежал, прыгнул, развернулся от боли на одной ноге. Только бы не упасть, только бы не упасть, лихорадочно стучало в мозгах. На голову сыпались обломки. Затем так грохнуло справа, что его швырнуло в траву, и он покатился по склону, прижимая к себе то, что дал ему Семен Тимофеевич.

Человек перестал кричать, и наступила тишина. Где-то вдалеке ухнул филин. Луна выглянула из-за тучи. Ели стояли, как на театральных декорациях. Пару минут, которые показались вечностью, Костя лежал, мало что соображая. Потом раздался голос Калиты:

– Все живы?! Уходим!

Мимо пронесся Жора Мамыра, за ним в кевларе непонятно кто. Костя пристроился следом. Они бежали по сырой траве. Справа тянуло прохладой, и ощущалась близость реки, и только тогда Костя сообразил, что Семен Тимофеевич сунул ему телогрейку. Он влез в нее и сразу почувствовал, какая она теплая, удобная и уютная, словно сшита под заказ.

Костю подмывало спросить, что это было и кто орал, но в темном лесу было не до разговоров, и он все бежал и бежал за какой-то тенью, пока не ткнулся в нее со всего маху.

– О, бя! – сказала тень и оказалась Венгловским, который, кроме своего рюкзака, тащил гранатомет РГ-6, «муху», АКМС и кучу гранат в лифчике и подсумках.

Косте вначале стало стыдно, а потом он спросил:

– Послушайте, а кто это орал?

– Да, похоже, твои знакомые в «ведьмин студень» влезли.

– Немцы, что ли? – удивился Костя.

– А то кто еще? – усмехнулся Венгловский. – На вот, возьми, а то оружия, поди, нет?

– Нет, – признался Костя.

Это оказалась винтовка СВТ-40 и парусиновый ремень с двумя патронташами. Тогда он понял, что винтовка досталась ему от полицаев, быть может, от того из них, кто влез в «ведьмин студень». До недавнего времени никто не знал, что это такое. Вначале думали, что ракетное топливо инопланетян, потом – что джем из их банки. А оказалось, что «зеркальная материя», то бишь «черная материя». Ее и проанализировать толком не могли, пока не придумали контейнеры для перевозки, хранилище, пока не возвели европейский коллайдер. Правда, потом его ремонтировали полтора года, но это уже детали. За пятьдесят с лишним лет после первого описания Зоны, которое дали братья Стругацкие, ничего не изменилось. Да, классифицировали, да, составили банк данных. Но едва ли смогли постичь больше одного процента находок. Даже «пустышку» не освоили, не говоря о прочей мелочевке. А каждый год появлялось что-то новое. И в разных Зонах – свое. Поэтому за Зоны шла негласная борьба. А за Тунгусскую – даже случилась «локальная война», потому что там нашли «планшетники». А это уже было очень серьезно. «Планшетник» давал возможность колонизировать планеты. Любые планеты. Даже те, которые нельзя было разглядеть в телескоп «Хаббл» и о которых никто ничего не знал. Отпадала надобность в дорогостоящей технике, даже в предварительной разведке роботами. Пожалуйста, бери 3D карту и все рассматривай в любом масштабе. Для страны, которая владела подобной технологией, это было гигантским скачком вперед. Затем в Чернобыльской Зоне неожиданно-негаданно открылась Дыра. Именно Дыра, а не Выбросы стала явлением последних лет. Люди пропадали пачками, возникли новые аномалии. Запахло катастрофой всепланетного масштаба. Поэтому были созданы МСКЗ³ под эгидой ООН. МСКЗ закрыли Зону и допускали в нее исключительно одних военных и ученых из засекреченных институтов. Естественно, что на российской территории силы МСКЗ были представлены российскими войсками.

Все это, как молния, пронеслось в голове у Кости Сабурова. Этому его учили еще в Московском государственном университете.

³ МСКЗ – Международные Силы Контроля Зон.

Внезапно над Зоной раздались чарующие звуки. Казалось, они возникают ото всюду и разносятся, как шум ниагарского водопада, на много и много километров окрест.

- Что это? – застыл Костя.
- Боишься? – спросил Жора Мамыра, сам клацая зубами.
- Как тебе сказать... – начал Костя.
- Правильно, – перебил его Жора, – я тоже сначала боялся.

На самом деле, Костя не боялся, он просто ничего не понимал. И вообще, даже не знал, куда и зачем они идут, словно играл в страшно увлекательные игры под названием «Авто Зона», «Чистое небо» и прочее. Он говорил себе: настанет время – и я хоть что-то начну сообщать в этой жизни. Но время все не наставало и не наставало, и девушки посмеивались над ним. Отсюда все его неприятности по жизни.

- Андрей, кто это поет? – Костя догнал Дубасова.
- Сирены Зоны. «Кудзу» – поющие улитки. «Кудзу» невозможно вынести из Зоны. Многие пытались. Но ни у кого ничего не вышло.

– Почему? – не отставал Костя.

– Потому что чем дальше уносишь ее от центра Зоны, тем тише она поет и тем больше сворачивается в самую себя, пока от нее ничего не остается.

– Как же так? – удивился Костя. – Ничего не остается?

– Нет, почему, остается!

– А что?

– Пустота!

– Ого! – восхищенно сказал Костя. – А что еще есть?

– А что тебя интересует?

– В смысле, что-нибудь новенькое?

– Из новенького – «хонки» – от японского слова «дух», проявляется как классический полтергейст, но не земных, а инопланетных образов.

– А что в них странного?

Дубасов терпеливо вздохнул:

– А это на кого нарвешься, смотря какой дух на тебя выйдет. Можно и от страха умереть.

– А-а-а... – понял Костя и больше приставать к Андрею не стал.

Действительно, думал он, явится монстр, которого ты в глаза не видел, и что тогда делать?

Они выскочили на асфальтированную дорогу. Погони не было. Немцы зря не рисковали. Да и получили они крепко по зубам. Особенно, когда грохнула «муха», с гордостью думал Костя. За перелеском разгорался пожар. Семен Тимофеевич, которого нарядили в зеленый траварон, оглядывался и жалостливо вздыхал.

– Плюнь, Семен Тимофеевич, – увещевал его Калита. – Мы тебе новый дом построим.

Когда сталкеры надевали шлемы, то общались по закрытой радиосвязи, и Костя их не слышал.

– Как же, постройте! – в сердцах отозвался Семен Тимофеевич. – Вы даже крышу не могли отремонтировать. А я просил дважды.

– Так это же «грибница» виновата?!

– «Грибница» «грибницей», а внимание?

– Тихо! – вдруг скомандовал Дубасов, который шел первым.

Он продублировал команду рукой, и в темноте ее хорошо было заметно – она светилась зеленоватым светом.

За кромкой леса виднелись река и мост. Дорога перед ними изгибалась, как змея.

– Плохой мост, – выдохнул Жора все свои страхи.

– Почему? – удивился Костя.

– Одних пропускает, а других нет. Тебя точно не пропустит.

– Хорошо, пойду другим путем.

Жора хмыкнул. Он чувствовал Костину неуверенность и пользовался этим.

– А вообще, мы посмотрим, – упрямо сказал Костя, – может, тебя не пропустит, а меня пропустит.

Жора Мамыра снова хмыкнул и добавил гордо:

– Меня уже два раза пропускало: туда и назад. Я ей нравлюсь.

– Кому? – уточнил Костя.

– Ну той... у моста... – неопределенно ответил Жора.

Голос его, измененный электроникой, немного глухо доносился из-под шлема.

– Одни загадки, – сказал Костя и хотел расспросить подробнее, он его позвали.

– Сейчас накажу за болтовню! – услышал он голос Калиты. – Эй, журналист!

Костя побежал на зов. А когда миновал Венгловского, ему показалось, что тот его пере-крестил.

– Что? – он очутился рядом с Калитой и Дубасовым.

Оба рассматривали мост через ночную оптику.

– Или мне показалось, или действительно «Великая Тень»... – сказал Дубасов, а при приближении Кости замолк, нехорошо покривившись, словно у него болели зубы.

– Вот что, – сказал Калита, – подойдешь к мосту посмотришь, что там, но без фанатизма. Если кто-то или что-то есть, просто необычное, махнешь рукой.

– Хорошо, – согласился Костя.

До моста всего было метров сто. Сереющая дорога, изогнувшись, выбегала к нему. Чего бояться? – подумал Костя. Дойду, погляжу, как в миссии, и вернусь назад. Мне всю жизнь везет, а игры, даже самого сложного уровня, я с первого раза прохожу до конца, без дублей. Повезет и сейчас. Через секунду он уже думал наоборот. Вот послали на заклание, как кутенка. А если сбегу? Лес темный, глухой. Отсижусь под кустом. А утром явлюсь на КПП номер три. Собственно, к этому КПП номер три мы и ехали. Обычная дежурная съемка на фоне обихоженной территории, где чудеса бывают только под Новый год. Интервью с дежурным офицером. Обед с наркомовскими. Все чин-чином. Все по уставу. Хотя я давно испытываю скуку от таких заданий. Другое дело Зона, в которую официально доступ закрыт. Такой шанс выпадает раз в жизни. Глупо было бы отказываться от удачи. Иные спят и видят, как попасть сюда, а меня, считай, судьба забросила. Чего мы, немцев в кино не видели?

Костя тут же передумал сигать в кусты. Куда интереснее было посмотреть, что делается за поворотом. Жаль, только камеры с собой нет. Камера осталась в расстрелянной машине.

На дороге что-то фосфоресцировало зеленым светом. Словно краску пролили или корова лепешку уронила. Может, это и есть «ведьмин студень»? Только дурак влезет, да и то если сильно напьется, думал Костя, обходя стороной светящуюся зеленоватым пламенем лепешку. Винтовка ему только мешала, и он неумело тащил ее, как лопату. Однако умудрился клацнуть затвором, загнать патрон в патронник – так, на всякий случай.

– Все... конец парню... – выдохнул Андрей Дубасов. – Сейчас оторвет башку!

– Типун тебе не язык, – отозвался Калита, с любопытством наблюдая за журналистом.

– Лучше бы я за него пошел, – вмешался Семен Тимофеевич.

Калита недовольно покосился: мол, где твое место? Где? Но ответил:

– Отец, ты нам живым нужен. А новичок, похоже, везунчик. Заодно и проверим.

– Хороши твои проверки, – ворчал Семен Тимофеевич. – Угробишь человека ни за что ни про что. Как тебя только совесть не мучает?!

– Совесть меня, конечно, мучает, Семен Тимофеевич, но расклад такой – у нас бы командиров не хватило, если бы они все вместо подчиненных лезли в реакторы или другие опасные места. Подлодки бы утонули, самолеты бы не летали, а Афган мы просрали бы сразу же.

– Ну и что, и слазил бы, – ворчал Семен Тимофеевич. – Ты у нас заговоренный.

Разговор шел о том, что впервые Дыра открылась во время катастрофы, и единственный, кто первым ее увидел, был Калитин Андрей Павлович, старший механик ЧАЭС, полжизни положивший на то, чтобы увидеть ее второй раз. Дыра открывалась еще несколько раз, но непредсказуемо. Иногда не открывалась несколько лет, а потом – за день раз двадцать. Поэтому никто не мог этим воспользоваться. А может, кто-то и пользовался, только об этом не знали. Немцы, например?

– Все, отец, некогда! – отрезал Калита. – Отойди от греха подальше. Юра! Венгловский! Забери Семена Тимофеевича, ты за него отвечаешь головой.

– Иди ты, знаешь куда! – обиделся Семен Тимофеевич.

– Ладно... ладно... батя. Ну что ты?! – оправдывался Калита. – Ей богу?! Ну не время сейчас, не время...

Из темноты выплыла массивная фигура:

– Пойдем, отец...

– Да я сам! – взорвался Семен Тимофеевич. – Тоже мне начальники! Решаете, кому жить, а кому умирать!

В этот момент Костя Сабуров подошел к мосту.

– Куда... куда он прет?! – вырвалось у Дубасова. – Надо перебежками! Перебежками! Ох! И не торчать, как три тополя на Плющихе! О боже!

– А ты пойти, поучи его! – зло сказал Калита. – Все равно он смертник, раз сюда попал.

Ну да, подумал Дубасов и произнес с сарказмом:

– Надо его еще на радиацию опробовать, тогда он точно помрет.

Калитин Андрей Павлович промолчал, ему было нисколько не стыдно. Он был командиром, и у него была цель – попасть в Дыру. А как известно, цель оправдывает средства. Считалось, что своевременная жертва снимает проклятие ловушек. Некоторые сталкеры специально брали с собой недотеп, обещая им золотые горы, и вовремя совали бедолаг в самые непроходимые места. Аксиома стратегии. Ну а потом можно было идти спокойно, куда тебе вздумается, и просить все, что ты хочешь. Некоторые чудачки просили счастья для всего человечества. Говорят, что этим самым приемом впервые стал пользоваться черный сталкер. Но никто не знал, получалось у него или нет.

Костя действительно не соображал, что делает. Вернее, он делал все неправильно, не по-сталкеровски, словно надеялся на чужую волю. А надеяться на нее нельзя было ни в каком случае. Чужая воля в данном случае была ловушкой.

Зря я согласился на командировку, думал он. Сидел бы сейчас в офисе, пил кофе и болтал бы со Светкой-напарницей. Поглядывал бы на ее ноги, а она стеснялась бы. Он вспомнил всех своих убитых сотрудников, но так, словно убили их давным-давно, в другой жизни, и смерть их его не касалась никоим боком. Может, я действительно живу другой жизнью и эти сталкеры из нее. Он вспомнил стелу на Воробьиных горах с именами русских сталкеров. Сколько их было? Молодых, ушедших в рассвете сил. Никто ведь не думал умирать. А войск сколько положили в Тунгусской зоне? Не мерено. Ну отстояли Зону. А что с ней теперь делать? Таскать новые технологии, которые подходят для земных условий? Немного таких нашли, ну кроме «планшетника», пожалуй. «Планшетник» стал единственным известным достижением. Хотя и этого достаточно – на Марсе закрепились. Станцию строят, однако, самостоятельно, без америкосов. Тоже рывок. На Луне копошатся, но это, считай, пройденный этап.

– В метафизику играет, – со знанием дела сказал Калита. – Я таких мальчиков видел. Столичная штучка. В голове у них опилки, а не мозги. Помнишь, были у нас такие из Перми, из Одессы? Воображают, что они могут разговаривать с ней. Сейчас уговаривать будет. Гляди, гляди.

– Все! – Дубасов закрыл глаза.

Хорошо, что я в шлеме и мою слабость никто не видит, подумал он. И вообще, надо быть проще, надо помнить, что жизнь коротка до безобразия. То что я согласился идти с Калитой, не делает мне чести. Хотя вначале он был совсем другим: большим, сильным и очень добрым. Они умирали в одном госпитале, в одной палате: он – спасатель из Изюма, облученный радиацией, и Калита – заглянувший в Дыру. И вдруг, как по мановению волшебной палочки, выжили. Калита увидел в этом знак и положил свою жизнь на разгадывание тайны Дыры. А я просто помогаю ему, думал Дубасов. Только вот я не заметил, когда он стал равнодушным и жестоким.

Костя сделал шаг и остановился. Теперь он видел весь мост – от начала до конца. На противоположном его конце действительно что-то то ли сидело, то ли зависло над перилами, словно повторяя их очертания – словно снег – не то серый, не то черный. Если смотреть вдоль – черный, а если чуть сверху – почти прозрачный. Интересно, подумал он и ступил на мост.

– Куда-а-а?! – вырвался у Калиты стон.

Но даже если бы он сделал громкость своего шлема на полную мощность, Костя его не услышал бы, потому что был уже за поворотом дороги и лес отделил его от сталкеров. Некоторое время его фигура еще мелькала за деревьями.

Калита не выдержал, сорвал шлем и с протяжным криком: «Пригнись!!!» бросился вперед.

Костя шел по мосту. Он прошел уже половину. Если что, думал он, сигану в реку, хотя, говорят, в ней мутанты плавают. Вряд ли эта штука нападает без предупреждения. Ведь она понимать должна, что к чему, что я не враг, что я просто любопытный с добрыми намерениями. Он невольно одушевлял тех, кто заселил Зону. Надеялся их мыслями, эмоциями и земной логикой. Однако винтовку держал по всем правилам – дулом вперед. Это внушало уверенность, хотя и было глупо. Я просто человек, думал он, иду по мосту и хочу с тобой поговорить.

Светало, уже была заметна осока по обе стороны моста. А «Великая Тень» не изменилась: как висела на перилах, так и висела. Но теперь Костя видел, что она была больше, чем он предполагал, огромной, лежала себе почти на всем берегу и под соснами, и дальше на дороге, и трава под ней была темной, без росы, которая серебрилась на осоке. Подойду, посмотрю, думал Костя и вернусь. Гляну одним глазом и назад. Даже трогать не буду. Он совершенно забыл, что должен был только увидеть ее и подать знак свом.

Вначале задул ветер – да так, что волосы у него на голове зашевелились. А потом послышался шорох. Такой необычный, словно миллионы тонн песка пришли в движение. Костю так ударило в грудь, что он всем нутром почувствовал мощь тени, и понял, что его всего-навсего предупредили, а потом услышал:

– Назад!!!

Вот ты какая, успел подумать он и почти упал, но оперся на винтовку и, как боксер в нокауте, опустился на одно колено.

– Назад!

Он хотел обернуться, чтобы успокоить того, кто кричал, но не хватило сил. Голова кружилась, и все плыло перед глазами. Почему-то вспомнились Ирка, Светка и еще одна девчонка, имени которой он не знал, но о которой думал постоянно. Прекрасно думать о ком-то, понял он.

Калита подбежал и облапал, чтобы утащить к своим. Но даже не мог сдвинуть Костю с места.

– Чертов метафизик, – бормотал он в изумлении, пытаясь половчее обхватить его, но у него ничего не выходило.

– Давай помогай! – приказал он кому-то.

Костя краем глаза увидел, что на помощь бежит Дубасов. Но и вдвоем они ничего не смогли сделать – Костя был тяжелым, как БТР. Потом явилась вся компания. Все суетились и дергали его. Ободрали все уши, пока кто-то не заорал:

– «Великая Тень» ушла!

– Как ушла?!

– Куда?! Бляха-муха!

– Да сами посмотрите!

Костя поднялся и тоже стал смотреть во все глаза.

Действительно, белела дорога и на траву даже успела выпасть роса. Нет, так не бывает, догадался он и оглянулся: луна все еще висела за спиной, а небо на востоке даже не посветлело. Стало быть, время изменилось. Вот это да! – подумал он.

– Слава тебе господи! – сказал Калита, не замечая фокуса со временем. – Все! Уходим, уходим!

Все дружески похлопывали Костю по плечу, кто-то подхватил из его ослабевших рук винтовку, а Калита продолжал командовать:

– Венгловский и Жора – в авангард. Леня – замыкающим. Семен Тимофеевич, а вас попрошу не отвлекаться. Сергей, Чачич, присмотри за Костей! Он у нас герой! Все, входим в Зону! Всем молчать, быть внимательными, – и надел шлем с зеленым забралом.

Остальные тоже надели шлемы и стали похожими друг на друга, как братья.

– На, – Андрей Дубасов протянул Косте носовой платок.

Оказывается, из носа у Кости шла кровь. Он запрокинул голову, стараясь дышать ртом, так и пошел, поглядывая на дорогу искоса, словно боясь ступить в «ведьмин студень» или еще в какую-нибудь ловушку, о которых, впрочем, не имел ни малейшего представления.

Теперь он стал одним из них, сталкером, что ли? Он почувствовал, что они приняли его в свою стаю. Вот так, через страх, через кровь, через жалость, думал он. Как это по-нашему, по-русски. А как бы ты хотел по-другому? Они всю жизнь учились у Зоны и выучились бросать щенков в реку. Зачем я поперся к этой «тени»? Ведь она могла меня запросто убить. Теперь я понимаю. Теперь я почувствовал, что такое Зона. В ней, не как в игре – повторов не бывает. А может быть, это и был повтор – фокус со временем? Может, она испугалась? Может, она влюбилась в меня? Нет, не может быть! Ерунда какая-то. От этой мысли у него мурашки побежали по телу. Он тут же захотел поделиться с кем-нибудь своим открытием и уже открыл было рот, как вдруг подумал, что сталкеры наверняка об этом явлении знают, ведь они же опытные люди.

Дубасов откинул забрало и спросил:

– Ну что пришел в себя?

– Да вроде, – ответил Костя.

– А тебе повезло, – сказал Дубасов, отдавая Косте винтовку. – Обычно «Тень» враз голову отрывает.

– Значит, повезло, – согласился Костя и понял, что его очень и очень смущало – за деревьями, далеко-далеко в темноте, светился одинокий огонек. Но они не пошли на него, а свернули в лес.

А, ну да, вспомнил Костя, в Зоне по прямой не ходят – только зигзагами и пятась.

Глава 2. Лес и ловушки

– Забирай левее, – шепотом советовал Семен Тимофеевич. – Еще... еще... Я здесь вчера был... Тряпочки повязывал...

На кустах действительно белели полосы материи.

Все, конечно, знали, что там, где ты прошел сегодня, завтра можно попасть в ловушку. Но Семену Тимофеевичу верили безоговорочно, потому что у него было чутье. А чутье в Зоне ценилось дороже золота.

– А почему? – не удержался и спросил Костя.

– Да потому что он здесь, почитай, тридцать лет лесничим служит, – ответил Куоркис. (Костя узнал его по голосу.) – И ни разу ни в одну историю не влип. Правда, в прошлом году случилось. А мы его спасли.

– Но он не виноват, – поправил Чачич.

– Я и не говорю, что он виноват, – согласился Куоркис. – Просто так получилось. На его дом «грибница» напала.

– А ну, а ну, расскажите! – с жаром попросил Костя, стараясь запомнить каждое-каждое слово, чтобы потом написать репортаж.

– Это такая штука, – объяснил Чачич, – появляется ниоткуда, идет напролом через лес и есть деревья со страшной силой, ну и мы...

Вдруг движение впереди замедлилось, и они остановились.

– Пойду узнаю, что там, – сказал враз заволнованный Чачич.

– Ты не обижайся на нас, – сказал Куоркис, снимая шлем, чтобы их никто не слышал. – Мы ведь все прошли Чернобыль. Психики у нас нет никакой. Так что терпи.

– Я и терплю, – покорно согласился Костя.

– Кажется, кого-то нашли, – прибежал Чачич. – Пошли!

Пришлось спускаться в овраг. Большой Куоркис едва не снес всю компанию, когда поскользнулся на склоне. Место накрыли плащ-палаткой и включили фонарик. Косте с трудом удалось втиснуть голову между чьих-то плеч. На земле в куче прошлогодней листвы и веток лежал труп в супер-форме сталкера и в полумаске. Костя даже сморщился, ожидая почуять запах тлена, но, к его удивлению, совсем ничем не пахло, кроме прелых запахов леса. Над трупом склонились Венгловский и Калита, обыскивая его. Лицо у трупа было черным и сморщенным, как у мумии, но не разложилось.

– Кажись, я его знаю, – покрутил головой Сергей Чачич. – Точно, это он!

– Кто? – чуть обернулся Калита.

– Майор Кальтер. Мы его три года искали. Ушел в Зону и не вернулся. Хитрый, гад!

– Фашист, что ли? – спросил Костя.

– Почему, фашист? Просто немец. Военный разведчик. Маскировался под нашего.

– Сволочь! – сказал кто-то и пнул покойника.

– Этот район когда-то принадлежал Украине. Немцы здесь всю шарил.

– Андрей Павлович, может, его наши уконтропупили? – высказал предположение Жора.

– Если бы наши, – выпрямился Калита, – от него за три года ничего не осталось бы.

Скорее всего, на «шип» напоролся. Есть здесь такая гадость. Растет как раз в таких сырых местах. Этот «шип» вспрыскивает в человека совсем мизерную дозу парализующего яда. Человек мгновенно теряет способность двигаться. «Шип» еще из живого человека выпивает все соки, пока не остаются кожа да кости. Даже собаки не едят.

– О, нашел! – воскликнул Венгловский и показал удостоверение.

Все увидели черно-красно-желтый флаг и убедились в правоте слов Сергея Чачича.

Труп забросали листвой и ветками, отдавая таким образом дань еще одному сталкеру, погибшему в Зоне. Андрей Дубасов, однако, плюнул и выбрался из оврага.

– Ни хрена! – сказал он. – Я эту сволочь хоронить не подписывался. Они у меня во вторую мировую под Витебском полдеревни родни сожгли. Мне их любить не резон.

– Вольному воля, – ответил кто-то, кажется, Жора Мамыра, который по молодости плохо знал историю. Он считал, что Берлин – мировая столица пива и белесых немецких женщин.

Калита, Венгловский и Семен Тимофеевич устроили под плащ-палаткой совещание. Костя хотел было завалиться подремать, но вспомнил о «шипе» и лишь присел на траву. Светало, но в лесу все еще было сумрачно. Над черными верхушками елей скользила бледная луна.

– Костя... – позвал Калита. – Сабуров!..

Костя очнулся. Он все-таки успел задремать. Эти несколько минут сна вернули ему силы.

– Я здесь, – ответил он шепотом.

– Иди сюда.

Костя подлез под плащ-палатку. Ему было любопытно.

То, что он увидел, привело его в изумление. Конечно, он знал, что такое «планшетник». Но чисто теоретически. Отечественная наука сумела скопировать инопланетную технику. С помощью настоящего «планшетника» можно было путешествовать по любой планете. А с помощью копий – только в заданном районе. Да и то лишь в одном масштабе, хотя даже жалкие копии стоили баснословно дорого. Что говорить об оригиналах. Две раскрытые карты были совершенно идентичными оригиналам. Однако на одной был нанесен маршрут, а другая оставалась чистой. Вот о какой карте шла речь, понял Костя.

– Я хотел тебе показать, что мы делаем и куда идем, – сказал Калита, – чтобы ты не потерялся.

Костя понял, что если бы он «не сдал» экзамен на мосту, его бы не пригласили на совещание – просто приглашать было бы некого. Юра Венгловский ободряюще подмигнул ему – мол, не робей!

– Смотри, – сказал Калита, – мы здесь, – и ткнул пальцем.

Масштаб карты увеличился, и Костя узнал овраг, в котором закопали майора Кальтера, и даже кусты, под которыми они вчетвером сидели.

– А если так, – палец Калиты совершил маневр, – мы попадем сюда.

Карта изменилась и выросла до невероятных объемов. У Кости закружилась голова. Под ними лежал город Припять. Они словно зависли на большой высоте. Квадраты девятиэтажек образовывали улицы, между ними были разбросаны переулки и парки. В центральном парке торчало ребристое «чертово колесо».

– Больницу видишь?

– Да, – ответил Костя, хотя на самом деле ничего не видел.

– Вот она!

– Ага.

– Выброс из Зоны, а точнее, из Дыры, как раз на левое крыло и пришелся.

– Понял, – сказал Костя, хотя ничего не понял.

Потом он сопоставил: все они в этой больнице лежали и все почему-то выздоровели. Но что это значило, он еще не осознал, точнее, ему никто ничего толком не объяснил.

– Сейчас мы придем в город. Семен Тимофеевич облюбовал хорошее место. Мы там сядем и будем ждать. По всем расчетам, Дыра вот-вот должна открыться. Дыры без Выброса не бывает.

– А я слышал, что бывает, – сказал Юра Венгловский.

– Бывает, еще как бывает, – заверил его Семен Тимофеевич.

– Не-е-е... Я думаю, что она не откроется, – возразил Юра Венгловский. – С чего ты решил, что она откроется? Месяц можно ждать, когда она откроется.

– Спокойно, – сказал Калита. – У меня предчувствие.
– У меня тоже предчувствие, – возразил Венгловский.
– Что ж нам, возвращаться? – спросил Калита таким тоном, что лучше было на этот вопрос не отвечать.

– Не знаю, – пожал плечами Венгловский. – Ты командир, тебе и решать.
– Ладно, – сдержанно обрадовался Калита. – Тогда двигаем вперед.
– Я думаю, – сказал молчавший до этого Семен Тимофеевич, – надо сойти с маршрута.
– Почему? – в один голос спросили Калита и Венгловский.
– У меня тоже предчувствие.

– Оно на чем-то основано? – осторожно спросил Калита, хотя знал, что зря спрашивает. Никто тебе не ответит точно, подумал он, потому что это Зона. В Зоне алогичные законы, а у таких людей, как Семен Тимофеевич, вырабатывается шестое чувство на опасность. Правда, и людей таких раз-два и обчелся.

– «Великая Тень» была? – спросил Семен Тимофеевич.
– Была, – кивнул Юра Венгловский.
– Ушла она не по своей воле? – Семен Тимофеевич почему-то посмотрел на Костю, которому вдруг захотелось провалиться сквозь землю.
– Не по своей, – согласился Юра Венгловский.
– Сейчас все «поля» и ловушки в данном районе в лучшем случае сдвинулись, а в худшем – перемешались. Так всегда бывает...

Тогда бы они благополучно прошли, понял Костя то, что не договорил Семен Тимофеевич. Выходит, я для них разрядил ситуацию и я же виноват, что какие-то «поля» перемешались. Ему стало горько оттого, что его так безжалостно использовали. Он вылез из-под плащ-палатки и пошел в темноту, ничего не видя после света фонарика.

– Ты куда?! – удивился Калита. – Костя!

Но он шел, не разбирая дороги, и слезы обиды душили его. Я к ним всей душой, а они... всхлипывал он, как школьник.

– Костя! – услышал он злой шепот и вовсе свернул в какие-то кусты, потом еще куда-то и еще и забился под ель, переживая позор и унижение.

Больше никогда, думал он, никогда не буду... А что «не буду», он так и не понял. Просто «не буду», и все! – думал он, сжимая винтовку, которая стала ему роднее всех этих сталкеров.

Вдруг он увидел какие-то фигуры, и вообще, он, оказывается, сидел недалеко от дороги. Он хотел их окликнуть, но вовремя прикусил язык, каким-то шестым чувством распознав врага – недавних немцев. Они столпились и смотрели в сторону Кости, поэтому он стал менять позицию. Это было очень логично – взять да сменить позицию. Стараясь не шуметь, он подался в сторону, не выпуская немцев из поля зрения, а когда ткнулся лбом во что-то твердое, понял, что со стороны дороги его не видно. Отлично, решил он и примостился за огромным пнем, положив на него винтовку. Между тем, немцы растянулись в шеренгу и бесшумно вступили в лес.

Там же наши! – ужаснулся Костя и уже собрался было поднять тревогу, но сообразил, что вот этого как раз делать не стоит. Поэтому, поймав в круглую мушку то ли человеческую фигуру, то ли дерево, выстрелил.

Винтовка, как показалось Косте, грохнула на весь лес, сильно ударив его в плечо, и немцы сразу же куда-то пропали. Только кто-то стал кричать не по-русски. К крикам добавился русский мат, и Костя, не долго думая, еще два раза пальнул на крики, и каждый раз винтовка словно ляглась. После этого он только и делал, что отползал, пятясь, как рак. А от пня, за которым он прятался, полетели щепки. Кроме этого на голову Косте посыпались ветки, листья и кора деревьев. А он все отползал и отползал, волоча за собой винтовку, и боялся в этот

момент не немцев, не пуль, свистевших над головой, а «шипа», который, по словам Калиты, мог парализовать человека в мгновение ока.

Стрельба внезапно прекратилась. Костя услышал команды по-немецки, стоны, торопливые шаги справа и слева, и понял, что его окружают. Подхватился и, не разбирая дороги, кинулся прочь. Его, как и в первый раз, обуял безотчетный страх. Этот страх был сильнее разума. Он заставлял бежать так, что сердце упиралось куда-то в горло и дергалось там, как лягушка, проткнутая булавкой. Бежал он, впрочем, недолго.

На этот раз они взялись за него всерьез – даром, что ли, полицаи: делали три шага, замирали и слушали, а потом стреляли трассерами на шум. Он это понял сразу – после того, как пуля пролетела над самым ухом, и поэтому передвигался исключительно ползком. Большим плюсом было то, что он знал этот участок леса да и запомнил карту, поэтому ориентировался легко и избежал оврага, где лежал майор Кальтер. Кто-то из немцев угодил в него и долго матерился по-русски, коверкая слова. В лесу заметно посветлело, и Костя легко находил белые тряпочки, повязанные Семеном Тимофеевичем, и срывал их. Он совсем забыл, что лесник передумал идти по этому маршруту, и в тот момент, когда убрал с березовой ветки очередную тряпочку, замер. Он и сам не понял, почему так сделал – просто замер с поднятой ногой в предчувствии беды. «Шип», что ли?

Немцы и полицаи уже были тут как тут, рядом, в каких-нибудь десяти-пятнадцати метрах. Костю скрывал от них лишь густой ельник. Страх неизвестности был настолько велик, что Костя предпочел бы попасть к ним в руки, чем быть заживо высосанным какой-то хищной тварью. Медленно и осторожно сделав шаг назад, Костя присел и посмотрел на землю. Вот что его смутило – тропинка. Хорошая, удобная тропинка, усыпанная влажными листьями. Она начиналась прямо за березой и убегала в широкую светлую ложину, что было очень необычно. Пойди Костя левее или правее, тропинка показалась бы для него более привлекательной, чем пробираться через чащу. Костя стал отползать под елки.

– Эй, Петро, – сказал кто-то так близко, что Костя покрылся холодным потом, – ничего не бачишь?

– Да хйба это еж?

– Какой еж? Белены объелся?

– Еж, точно еж, я видел парочку, – сказал кто-то третий.

Этот третий, с сильным голосом, был старшим, и его послушались.

– Ну, что там? – спросил он.

– Да утек, наверное. Тропинка.

– Бараско, а чего ты тогда стоишь? А ну проверь!

– Чуть что, Бараско... – проворчал полицай, но пошел, неловко переминаясь, как стреноженный конь.

Шея у него была повязана грязным бинтом, и он ворочал ею, словно она у него болела.

– Я тебе поворчу, я тебе поворчу! – сказал вслед ему человек сильным голосом.

Бараско не хотелось лезть в мокрый ельник, поэтому он обошел его сверху по кособоку и спустился вниз. Костя увидел его удаляющуюся спину. Несколько раз Бараско оглянулся, словно прощаясь.

– Хлопцы, вот его следы! – обрадованно крикнул он, показывая на тропинку.

После этих слов Костя вообще перестал дышать. Ему хотелось одного – как можно быстрее покинуть это место. Три или четыре человека, среди которых был и немец в мундире мышинного цвета, ступили на тропинку и скрылись в ложине. Вдруг там что-то произошло. Такого звука Костя прежде не слышал. Больше всего он походил на утробный хрип, только очень короткий, и на звук ломающихся костей, который был еще короче, словно звуки захлебывались сами в себе, словно их гасили в зародыше, не давая разбежаться по лесу.

Полиции и Костя впились глазами в тропинку. Должно быть, все сразу вспомнили, что это не просто лес, а Зона. Несколько томительно-долгих секунд ничего не происходило. Костя потихоньку закапывался и закапывался в прелые иголки, полагая, что так должны делать все сталкеры. Потом из-за поворота вымелся тот самый Бараско. У него было лицо смертельно перепуганного человека. В одной руке он тащил «шмайсер», а в другой – человеческую голову и однотонно голосил на высокой ноте: «А-а-а!» За ним стелился кровавый след.

Ничего не видя перед собой и, похоже, мало что соображая, Бараско взбежал на бугор, сунулся в спасительный ельник и стал быстро-быстро закапываться рядом с Костей, твердя одно и то же:

– Петро... Петро... Петро... А-а-а!..

Голову, однако, он аккуратно положил рядом со «шмайсером» на землю. На некоторое время он замолк, потом взглянул на нее и снова закричал, тонко, как жеребенок:

– А-а-а!..

К своему ужасу Костя понял, что голова принадлежала тому самому Петру. Тогда он тихо спросил:

– Что?! Что ты видел?!

– Не знаю... не знаю... – подняв на него белые-белые глаза, твердил Бараско. – Там!.. Там!.. – он показал в лощину, не отрывая взгляда от Кости и ища на его лице объяснение тому, что произошло.

Только тогда Костя сообразил, что Бараско весь залит чужой кровью и забрызган мозгами, а к плечу у него прилипли чьи-то кишки, из которых сочилось что-то желтое. Костя оттолкнул полицаев, и его вырвало одной желчью. Больше в желудке ничего не было. Он вдруг вспомнил, где находится, и быстро пополз вдоль ельника подальше от лощины и полицаев. Однако полицаев и след простыл. Их словно корова языком слизала. Даже тот, кто сидел в лощине и так иезуитски тонко заманил людей в ловушку, предпочел убраться, освободив дорогу. Словно он получил удовольствие и спрятался в своем логове, затаившись до следующего раза. Косте вдруг пришла в голову совершенно дикая мысль, что это длинный-длинный кошмар, который все еще снится ему в избе Семена Тимофеевича. Он огляделся и понял, что это не так. Лес был тих и пуст. Даже птицы молчали. Высоко в небе одиноко плавал БЛА. Костя верил и одновременно не верил своим глазам. Так ведь не бывает, твердил он себе, не бывает. Но раз «дровосек» ушел, то и тропинка должна пропасть. Это будет лучшим доказательством его присутствия в Зоне. Он заставил себя вернуться и очень осторожно, прислушиваясь к своим ощущениям, выглянул из-за косогора. Действительно, там, за березой, где началась злополучная тропинка, теперь был девственно чистый косогор, без листьев, цветов и сухих травинок, как в английском парке – подстриженный, ровный и ярко-изумрудный. И все-таки морок затаился, он звал и манил жгучей тайной, словно оставил после себя приманку для людей. Быть может, он даже раскинул невидимую сеть, чтобы кто-нибудь из них в ней запутался, как запутываюсь я, думал Костя, окончательно теряя остатки страха. Не в силах противиться своим желанием, он сделал шаг и услышал:

– Не ходи...

– Я только загляну, как тогда, на мосту, и вернусь, – объяснил он лесу.

– Ты не вернешься, как и они, – ответил ему лес.

– Гляну одним глазом, – канючил он. – Что в этом плохого?

– Он заманит тебя!

– Кто?

– Сам увидишь, но будет поздно.

Костя словно очнулся: на обрыве сидел полицаев, свесив ноги, и болтал ими, как ребенок.

– Ну что, понял?

Ах ты, гад, подумал Костя и вернулся на косогор.

– Ты чего?! – спросил он.

– Я-то ничего, а вот ты чего?

Костя вмиг остыл.

– Спасибо... – буркнул он в сторону.

– Бывает, – сказал полицей. – Заманивает он тебя. Заманивает.

– Как это так? Я думал, он ушел.

– Даже я струхнул. А мне как бы и не полагается.

– Почему?

– Я же полицей. На мне уже и так не мерено, – и тряхнул плечами, на которых действительно все еще не высохла кровь.

– Ладно, – сказал Костя, окончательно приходя в себя, – я пошел, – и закинул винтовку на плечо.

– Погоди...

– Ну? – он оглянулся.

– Возьми меня с собой?

– Не могу.

– Возьми. Я не подведу.

Костя вопросительно посмотрел на него. Я сам не знаю, куда идти, подумал он. Зачем он мне?

– Надоело с ними бегать. Убьют они меня рано или поздно, – пожаловался Бараско.

Врет, наверное? – подумал Костя и спросил:

– А ты откуда знаешь?

– Гестаповец выстрелит. Пуля вот сюда попадет. – Бараско показал на шею, которая была обвязана грязным бинтом.

– Да откуда ты знаешь?!

– Я уже сотни раз умирал. Надоело. Больно очень. Психика не выдерживает. Хочу судьбу изменить. – И добавил, видя, что Костя смотрит с недоверием: – Пусть меня Зона сожрет, если вру!

– Ты что, давно здесь бродишь? – удивился Костя.

– Да с самой войны, с сорок третьего, – уточнил Бараско. – Не веришь?

– Верю, – пожал плечами Костя. Какая мне разница, подумал он. – Только странно все это.

– Я понимаю: полицей, и современный человек. Полицаи – маленькие люди. Нам ничего не объясняют. Пришел офицер и отдает команды.

– Ну и что ты от меня хочешь?

– Возьми меня с собой. Я тебе пригожусь. Я здесь все места знаю. Хотя, сам понимаешь, Зона каждый день другая.

– Ну хорошо, – неохотно согласился Костя, не представляя, что из этого может выйти. – Только «шмайсер» мне отдай!

– Конечно! – радостно воскликнул Бараско, – все равно от него толку мало.

И действительно, что с ним делать против «дровосека», молча согласился Костя.

Они пошли, беседуя, как два товарища, Бараско при этом старательно отдирав с рукава значок с тремя буквами ОУН. Костя на него косился и расспрашивал:

– Так что ты видел?

– Практически, ничего, – отвечал Бараско. – Мясорубка. Мне повезло, что я шел последним. Он до меня просто не дотянулся.

– Кто «он»? – пытал его Костя.

– Да этот, как ты его называешь?

– «Дровосек»?

- Ну да, «дровосек». Точно сказано.
- А как он выглядит?
- Да я понять не успел. Рука у него в виде ковша.
- Он что, быстрее человека движется?
- Точно! – сказал Бараско. – Быстрее глаза!

Ага, с удовлетворением подумал Костя. Теперь есть хоть за что-то зацепиться. Теперь можно и приспособливаться.

- Как же нам его избежать?
- Для этого есть старый испытанный способ.
- Какой?

– Гайка и бинт, – Бараско похлопал по карману твидового пиджака. – Только у меня вместо бинта бечевка привязана.

* * *

Тропинки были «холодными», но Семен Тимофеевич все равно остерегался каждого поворота, каждого склона и куста и вывел сталкеров к городу без приключений. Они благополучно избежали ловушек: трех «капканов», пары «вихрей» и «рока судьбы». Ловушки средней паршивости, хотя последняя была по-настоящему опасна, потому что в виде бочки-контейнера двигалась по периметру определенного района, и никто этих маршрутов не знал, кроме, разве что, самого «рока судьбы». Смельчаки же, которые охотились за бигхабаром, сколько ни пытались, а взять «рок судьбы» не могли. Не шел он ни в сети, ни в электронные капканы, не реагировал ни на выстрелы из АКМ, ни на гранатомет, ни на лазеры. Казалось, ему все нипочем. Но знатоки поговаривали, что раз в год «рок судьбы» раскрывается и из него сыплется хабар. Причем такой редкий, что выследив, когда распахнется «рок судьбы», сталкер после этого мог спокойно бросать свою профессию. Главное – уловить момент, и ты богат на всю жизнь. А убивал «рок судьбы» очень просто – электричеством, молнией – иногда совсем не того, кто находился рядом, а на выбор, того, кто ему приглянется. Поэтому большинство сталкеров при виде «рока судьбы» разбегались кто куда.

- Все! – сказал Семен Тимофеевич. – Дальше я не пойду.

Они находились перед промзоной, состоящей из разрушенной теплостанции и сети коммуникаций, за которыми среди пирамидальных топей высились девятиэтажки. В третью справа и нужно было попасть.

- Ты что? – удивился Калита. – Ты же обещал довести до квартиры?!
- Помню, – очень спокойно ответил Семен Тимофеевич. – Я свои обещания держу. Только и ты обещал не приносить людей в жертву.
- Но ведь все обошлось?! – напомнил Калита и сжал губы.

– Если бы не обошлось, я бы с тобой и шага не сделал. Только ты не забудь, что так проклятия не снимаются, что «Великая Тень» все равно придет и никого не пощадит.

– Зато мы прошли и знаем, что журналист везунчик, что он прирожденный сталкер в лучшем смысле этого слова.

- Но все равно пропал!
- Ну, знаешь, отец! – возмутился Калита. – Это Зона, а не детский сад!
- А ты сам вспомни, как я тебя натаскивал?
- Тогда было другое время. И вообще!..

Прибежал Жора Мамыра:

- Андрей Павлович, Дубасов кличет!
- А по связи нельзя?
- Да он боится по связи.

– Вообще-то, правильно, береженого бог бережет. Не дай бог нас подслушивают. Вот что, Семен Тимофеевич, ты меня подожди, не уходи, мы еще с тобой не договорили, – и побежал вслед за Жорой.

Однако, как только они приблизились к протоке, поросшей тростником, то сбросили темп и пригнулись, хотя Калите можно было идти, не таясь – броня «булат» окрасилась в желто-зеленый цвет камыша. Но бывшие привычки сталкера взяли верх.

– Я здесь... – отозвался Андрей Дубасов из-за кустов ивы.

Оказалось, он поменял дислокацию. И правильно сделал.

– Путь закрыт, – сказал он.

– Как закрыт?! – воскликнул Калита и заскрипел зубами.

– Юра по «планшетнику» усек снайпера.

Калита принялся разглядывать теплостанцию. Крыша была проломлена упавшим крапом, и его проржавевшие конструкции торчали, как сломанный тростник на болоте – хаотично и бессмысленно. А за теплостанцией возвышались две трубы. От одной из них осталась только половина, а вторая, как шпиль, служа прекрасным ориентиром окрест. За трубами высились массивные градильни АЭС.

– Может, ошибся?

– По «планшетнику-то»? – удивился Дубасов. – Я потом еще одного обнаружил чисто визуально. Да они и не очень-то маскировались, словно не ждали нас.

Это не понравилось Калите, как будто у него были другие соображения.

– Стоп! – воскликнул он. – А не подстроил ли это все наш лесник? А? Завел на засаду и бросил! Точно! Я всегда говорил, что меня обдурить нельзя!

– Да ты что?! – изумился Дубасов. – Он тебя маленького на руках носил!

– Люди, как и времена, меняются, – буркнул Калита. – Леонид... Леонид... придержи Семена Тимофеевича, – включил он связь. – Как «ушел»? И ты отпустил?! А ну быстро за ним и верни! Но без фанатизма! Все, амба! Нас предали, – сообщил он, ни на кого не глядя.

Тяжелая снайперская пуля, посланная из разбитой теплостанции, ударила Калиту в шлем. Будь на нем не комплект «булат», а что-нибудь попроще, и попади пуля не по касательной, а перпендикулярно, валяться бы Калите с дыркой в голове или со сломанной шеей. А так он всего лишь отделался контузией, и через минуту они все втроем благополучно отступили под защиту леса. Правда, Калиту мотало из стороны в сторону, но к этому он был привычен. Хороший глоток водки привел его в чувства, хотя левый глаз налился кровью и стал плохо видеть.

С высокого берега хорошо были видны многочисленные коммуникации труб, с продолженными между ними и метелками камыша ветхими мостками. До сегодняшнего дня этот проход считался самым безопасным: загруженные хабаром сталкеры пройти здесь не могли, а желающих попасть в город попросту не находилось. К тому же этот район был чист от радиации. Многочисленные дожди за много лет смыли все изотопы в реку, и теперь они лежали в ней под толстым слоем ила и грязи и тоже способствовали появлению монстров, но земного, белкового типа, и потому менее опасных.

Стало быть, прикрывали район теплостанции чисто случайно. А кто – неизвестно. То ли вояки, то ли какие-нибудь бандиты.

– Может, они черного сталкера ждут? – предположил Чачич.

Но ему никто даже не возразил, потому что черный сталкер был хорош для анекдотов, а не для реальности.

Через полчаса поиска с помощью «планшетника» и наблюдения были выявлены два снайпера с прикрытием из двух автоматчиков и гранатометчика, спящего в глубине теплостанции, который выдал себя тем, что не нанес на лицо маскировочную краску, и оно белело, как хлопок ваты.

Пока разбирались с теплостанцией, Калита совершенно забыл о Семене Тимофеевиче, а когда вспомнил, то кинулись искать Куоркиса и не нашли.

– Черт! Черт! Черт! – в сердцах крикнул Калита. – Всем искать! Всем!!! – Но тут же отменил свой приказ: – Стоп! Я сам пойду! Жора! За мной!

Это была не самая лучшая мысль. Искать человека в Зоне втройне опасно. Это не по правилам. Если человек пропадал, значит, пропадал. Такова его судьба. В лучшем случае его находили случайно, в худшем – никогда. Некоторые ловушки, реагируя на чаяния и надежды человека, раскидывали невидимые сети, другие притягивались к сталкеру, как железные опилки к магниту. Иные Зоны, говорят, дружелюбнее к нашему брату сталкеру. А здесь, похоже, собрались настоящие монстры со всего света, думал Калита. Вообще, у него была своя теория и он страстно хотел поговорить с одним ученым, который положил жизнь на изучение Чернобыльской Зоны. Этот человек безвылазно жил в ней и общался с миром только при помощи Интернета. Звали ученого Александр Ген. А Калита знал его как Шурика Гена, потому что они оба выросли в Севастополе, на одной улице и в одном доме.

Но на этот раз Зона отдала сталкера. В пронизанном солнечным светом лесу они вовремя заметили брызги крови на траве и жуткий предмет, заброшенный на сосну – правую руку в кевларе. Она так и сжимала АКМС – любимый калибр Куоркиса, семь и шестьдесят два сотых миллиметра.

Что явилось причиной его гибели, Калита доискиваться не стал. Бывало так, что неизвестная ловушка пропускала первого сталкера, а второго сжирала. Поэтому по знаку Калиты они с Жорой прежним путем не пошли, а двинули каждый по отдельности прямо через чащу, избегая тропинок и светлых приятных мест. Должно быть, он спешил, укорял себя Калита. Эх, не надо было его посылать. Не надо было!

Пока Калита бегал по лесу, Дубасов взял «винторез», поменял позицию в третий раз и все-таки из принципа снял снайпера, когда тот, уверенный в своей безнаказанности, проходил в глубине помещения по третьему этажу. Пуля калибра девять миллиметров пробилла стекло и разнесла снайперу голову, как камень арбуз. После этого над промзоной повисла напряженная тишина. Только БЛА стал летать кругами, отреагировав наконец то ли на активность сталкеров, то ли на радиопереговоры на той стороне протоки. Но к этому времени отряд Калиты был уже далеко, и Андрей Дубасов с трудом нагнал его, хотя был одет в простую камуфляжку и бежать ему было легко. Но именно это его и спасло: сухое, изогнутое дерево, росшее на краю протоки, махнуло веткой, но не дотянулось, и серая тень в отчаянии покрыла осоку пеленой, которая тут же растворилась в воздухе. Но Дубасов ничего не заметил. Его внимание было сосредоточенно на траве, которая хранила следы товарищей.

Дубасов знал, что теперь в городе им пощады не будет, но ведь не зря же они тащили такой арсенал.

Пришлось идти по запасному маршруту, хотя Калите он и не нравился. Рискованным он был – мимо свалки, мимо брошенной техники. Да и место почти безлесное – одни тополя вдоль дороги. А еще, конечно, радиация. Счетчик – «щелк, щелк», считал свои рентгены. Да и «планшетник» в таком положении был плохим помощником, потому что ловушки оставались невидимыми.

Еще лет десять назад находились безбашенные сталкеры, которые охотились за бигхабаром. Они пригоняли в Зону краны и тягачи с платформами, на которые грузили эту самую технику. Все прекратилось в один прекрасный день после того, как такой бульдозер из Зоны, проданный по дешевке на какую-то большую стройку, завелся сам по себе и стал елозить по поселку строителей, сровняв его с землей. И никто и ничто не могло его остановить, пока у него не кончилось горючее. После этого пару мародеров расстреляли, а Зону окружили проволокой и минными полями. Вольница кончилась. Настали времена профессиональных государственных сталкеров «Бета». Калита и его команда были из этого разряда. С тех пор, если

кому-то что-то удавалось вынести самыми невероятно-тайными путями, то это было не крупнее того, что мог унести человек. Поговаривали, что в Зоне есть подземные ходы. Но Калита в это не верил. Все коммуникации давным-давно взорвали, а разговоры о черном сталкере были из области сказок.

* * *

Костя с Бараско видели, как погиб Леонид Куоркис. Они как раз вышли на опушку, и здесь Бараско взял да бросил первую гайку. А на немой вопрос Кости, почему именно здесь, туманно объяснил:

– Я не знаю, я просто чувствую.

Потянув за собой кусок серой бечевки, гайка благополучно перелетела через невысокий куст. Костя пошел за гайкой, однако именно куст показался ему непреодолимым, и он решил обойти его снизу по склону.

– Стой! – крикнул Бараско.

Костя застыл и даже присел от неожиданности. Бараско подбежал шаг в шаг.

– Смотри! – он показал на склон.

– Ничего не вижу, – признался Костя.

– А сухие ромашки на бугре?

– Вижу.

– Я не знаю, как вы это называете. Мы – «проплешиной» или «ямой».

– Какая же это «яма»? – удивился Костя.

Костя хотел признаться, что он новенький, что многого не понимает, но вовремя прикусил язык. Не надо, чтобы кто-то догадывался о моей скромной квалификации, подумал он. И решил послушать умного человека, ведь везет не только дуракам.

– Обычно температура такой «проплешины» выше, чем у окружающей травы. Этого бывает достаточно, чтобы там поселилась ловушка.

– Любая? – спросил Костя, с любопытством наблюдая за «проплешиной».

– Иногда под тонким слоем почвы живет «ведьмин студень», иногда «аттракт».

– А чем они отличаются?

– В «студне» кости становятся мягкими, как пластилин на солнце, и человек живет не больше пяти минут. Я знаю одного сталкера, который коснулся «студня» всего лишь мизинцем левой руки, но зато вовремя успел отрубить себе кисть. Он так ее и таскал на груди, потому что она не разлагалась и даже не высыхала, а стала мягкой, как гуттаперч. А «аттракт» действует, как горячая песочная яма. Разогревается мгновенно, как микроволновка. Человек варится в собственном соку. Понял?

– Понял.

Откуда он знает о микроволновке? – удивился Костя, но промолчал.

– Поэтому сторонись старых кострищ ну и много еще чего. А вон, кстати, кто-то и лежит... Медведь, похоже. Был такой сталкер...

Костя приподнялся и увидел ниже по склону что-то белое, похожее на кости.

– Вблизи «ям» резких движений не делай! – одернул его Бараско. – Громко не разговаривай!

Костя снова присел. Действительно, над «проплешиной» сразу возник горячий столб воздуха. Трава и деревья виднелись за ним, как сквозь линзу. Раздался странный свист. Столб неуверенно качнулся в сторону Кости и Бараско и растаял так же внезапно, как появился.

– Фу-у-у... – вытер пот со лба Бараско. – Кажись, я дал маху.

Костя с удивлением посмотрел на него: неужели они были на волосок от смерти? Но кто он? Опытен, но, как и всякий человек, допускает ошибки. Непонятно, молод или стар, ежик на

голове, первая седина на висках. Шея повязана грязным бинтом. В ботинках красные шнурки. А в глазах тоска. На любой тусовке о таком бы сказали – неудачно понтит друг. На художника не тянет. Скорее – на поэта-отшельника. Диковат. Конечно, подумал Костя, потаскайся шестьдесят с лишним лет по Зоне, и не таким станешь.

– Там «аттракт» сидит, – уверенно сказал Бараско. – Уходим.

В этот момент они увидели метрах в пятидесяти Семена Тимофеевича. Он двигался в тени деревьев, и Костя, находясь под впечатлением увиденного и услышанного, не успел его окликнуть. Может быть, это даже не Семен Тимофеевич? – подумал он, с удивлением провожая его взглядом – уж слишком быстро Семен Тимофеевич шел.

Бараско тоже замер.

– Слышь, ты бы дал мне винтовку? А? – и уверенно протянул руку.

Черт, подумал Костя, таскаю сдуру. Если б он хотел от меня избавиться, у него было для этого сто десять способов.

– Держи, – и в придачу сунул ремень с патронташами.

Бараско ловко щелкнул затвором и взял на прицел опушку леса. Только тогда Костя что-то сообразил и тоже изготовился со своим «шмайсером», хотя ему пришлось повозиться с ним – затвор у автомата был под левую руку.

Вслед за Семеном Тимофеевичем выскочил большой Куоркис. На этот раз у Кости желание окликать вообще не возникло.

Куоркис почти нагнал Семена Тимофеевича, когда попал под удар «дровосека». Все произошло так быстро, что Костя увидел в воздухе только кровавый ком, и они побежали по всем правилам сталкеров, оставив в траве три или четыре гайки. Но прогалину пересекли благополучно и сразу упали за первыми кустами.

– А еще заметь, – сказал Бараско, на которого смерть Куоркиса не произвела никакого впечатления, – что большинство ловушек активизируются только днем. Бойся БЛА.

Костя не успел спросить – почему? Из леса выскочили Калита и Жора Мамыра. Но и с ними Косте почему-то общаться не захотелось. А вот Бараско проявил интерес:

– Интересно было бы знать, куда они идут?

– В Припять, наверное. Куда еще? – ответил Костя. – Хочешь с ними?

– Нет. Тот, кто в Зоне ходит следом, погибает первым.

– Хорошее правило, – согласился Костя и оглянулся: ни Калита, ни Жора к злополучной сосне даже не приблизились, а тут же ушли туда, откуда появились.

После того, как он наслушался Бараско, трудно было обвинить их в трусости. Совсем недавно Калита послал его на верную смерть, и Костя понял, что в Зоне каждый за себя, ну, пожалуй, кроме Семена Тимофеевича и Дубасова. Эти люди проявили к нему сочувствие.

А над Зоной беспечно плыли облака и ласково светило солнце, и Косте в его ватнике, который хоть и был летнего варианта, облегченным, стало жарковато. Но бросить его он так и не решился, потому что остался бы в одной рваной рубашке. Джинсовую куртку он выбросил еще раньше, потому что от нее остались одни лохмотья. Да и, честно говоря, голубой цвет в лесу был сильно замечен, поэтому Костя о куртке не сожалел.

Плана у них как такового не было, разве что идти за Калитой, выдерживая дистанцию, поэтому Бараско предложил:

– Пойдем-ка, вооружимся, а то с этими пукалками, – он тряхнул СВТ-40, – много не навоюешь.

– А, вот ты где! – раздался голос, и на тропинке, как черт из табакерки, возник полицейский. – Господин капитан страшно недоволен.

– Да... здесь... – неопределенно ответил Бараско, делая знак рукой Косте.

Но и без этого Костя сообразил и вовремя спрятался за толстым стволом березы.

– Ну пойдем, милоч, – вздохнул полицей. – Господин капитан приказал доставить тебя живым или мертвым. Только без глупостей. А то смотри – как жажну! – предупредил он.

Положение осложнялось еще и тем, что винтовка у Бараско висела на плече, а в руках полицей держал пулемет-пистолет МР-40. И Бараско знал, что делает пуля калибра девять миллиметров, попадая в грудь человеку. Поэтому он сказал:

– Ты что, Степан? Я же свой. Петра помнишь? Вот ищу вас. Куда же я без своих? Пускай меня Зона сожрет, если вру!

– Знаем, знаем... – словно бы равнодушно заметил полицей. – Я давно заметил, что ты, как волк, в сторону глядишь. Ручками-то... ручками-то... не дергай!

– Да я не дергаю, окстись, Степан!

– Ну и не дергай!

– Да не дергаю!

– Кинь на землю винтовку-то! Кинь!

А Костя никак не мог нащупать рукоять взвода затвора. По привычке он искал ее справа, как у АКМ, а она была слева. Наконец он клацнул затвором как раз в тот момент, когда Бараско вроде бы в растерянности уронил на тропинку СВТ-40. Костя выскочил из-за березы и с криком:

– Умри, сволочь! – дал очередь поперек тропинки, на которой стоял полицей.

После этого он и зачем-то решил посмотреть на результат своей стрельбы. А это была ошибка, потому что он ждал, что полицей упадет, а тот все не падал и не падал, зато приподнял ствол МР-40, и тогда Косте пришлось сматываться быстро-быстро.

Не разбирая дороги, они неслись лесом.

– Ты чего так долго?! – укорял Бараско. – Я уже решил, что уже все, конец – получу пулю от эсэсовца.

– Выходит, ты изменил свою судьбу?

– Выходит, – согласился Бараско и от удивления так резко остановился, что Костя наступил ему на ногу. – Только едва в штаны не наложил. Слушай, а ведь это дело надо обмыть!

– Где? – удивился Костя, оглядываясь на заросли молодых елок.

При мыслях о еде он вспомнил, что не ел со вчерашнего дня, и в животе заурчало.

– Ну не здесь, конечно, – таинственно сказал Бараско. – А есть у меня одно местечко. Так, где наша труба? – Он взглянул вверх деревьев, ища главный ориентир Зоны – уцелевшую трубу теплостанции, за лесом. – Значит, нам сюда! – и уверенно ткнул пальцем в чащу.

Через десять минут они ступили на хорошо протоптанную тропинку, которая привела их к широкому, как зев, люку, у которого, сидя на корточках, курил косяк бородатый сталкер в папахе черного цвета. Он мечтательно смотрел на небо в просвет сосновых вершин и сосредоточенно выдыхал дым из ноздрей. Косяк он держал легко и изящно, как секретарши – сигарету в дорогих телестудиях. На коленях у него лежал АКМ.

– Что нового, Джангер? – спросил Бараско.

– Сижу курю, – невозмутимо ответил Джангер. – Друга жду.

– В Зону идете?

– А куда еще? Деньги всем нужны.

– Это ты на прошлой неделе на Кровавом болоте «куни-кори» взял? Говорят, самого «дантая» обманул?

Как потом объяснил Бараско, «куни-кори» – это очень слабый антигравитатор, скорее игрушка, чем серьезный хабар. А «дантая» – охранник, биологический объект с полевыми свойствами. Обмануть его можно, но очень сложно.

– Было дело, – выдохнул сизый дым Джангер. – Но ведь и ты не пустой идешь? – опытным взглядом определил он.

– Сидорович здесь? – ловко ушел от ответа Бараско.

– Здесь, а где ему еще быть? Сидит Иван Каземирович, как паук в банке. А-ха-ха-ха!!!

Костя разглядел на груди у Джангера страшный талисман – гуттаперчевую кисть левой руки с большими желтыми ногтями, и понял, почему Джангер так изящно курит. Правая рука у него за неимением левой сделалась очень ловкой.

– Что, страшно, парень? – поймал его взгляд Джангер и показал культю. – От Зоны еще никто не уходил целым. – И снова засмеялся лающим смехом. – А-ха-ха-ха!!! Но ты еще молод, и тебе, возможно, повезет!

Над Зоной красиво и печально запела «кудзу». Через мгновение ей ответила другая, потом третья, и мир погрузился в неземную музыку.

Глава 3. Авто Зона

– Пароль? – остановили их два вооруженных человека.

– Авто Зона три.

– Ха! Это вчера было!

Их наглые морды не внушали доверия. И почему Бараско терпит? – удивился Костя.

– Ну тогда Авто Зона четыре, – сказал Бараско.

– Это другое дело. Проходите, – и охранники, ухмыляясь, подняли стволы автоматов вверх.

Костя понял, что они узнали Бараско, а пароль спрашивали для проформы – мол, знай наших, сталкер, и не зарывайся.

– Вначале пойдем заглянем к Сидоровичу Ивану Каземировичу, – сказал Бараско, ориентируясь в подземелье, как у себя дома, хотя здесь было сумрачно и фонари горели через один, на полу валялись бутылки и пивные банки, а еще пахло мочой и рвотой.

– А кто такой Сидорович? – спросил Костя, созерцая все это с огромным любопытством.

Эта фамилия напоминала Косте давнишнюю игру, в которой тоже был такой Сидорович, но без имени-отчества. Тот Сидорович раздавал всем желающим оружие и амуницию. Не может быть такого совпадения, подумал Костя. Мистика! Дежа-вю!

– Самый главный начальник южного клана, – объяснил Бараско.

– А что, есть еще и северный клан?

– Есть и северный, – сказал Бараско, ловко разминувшись со слегка подвыпившей, полуголой женщиной, которая явно злоупотребила косметикой.

– О! – воскликнула она. – Заглянешь, красавчик?

Костя сразу понял, что потеряет голову – не сейчас, так потом. Нравились ему смуглые, черные, яркие женщины. Ничего здесь не поделаешь. Все его приятельницы тоже были брюнетками, ну, в крайнем случае – темными шатенками. А блондинок он вообще не любил. По утру они ему казались блеклыми, как моль.

– Всенепременно, Завета! – ответил Бараско, улыбаясь натянуто, как перед прокурором.

– Ты не один? – заметила она Костю и кокетливо повела обнаженным плечиком.

Пахло от нее умопомрачительно – то ли мылом, то ли еще чем-то свежим и привлекательным. У Кости закружилась голова. Хорошо хоть Светка с нами не поехала, а то убили бы ее, как Вадима Рунова и Петю, подумал он, испытывая ко всем им безмерную жалость, а к этой незнакомой женщине – все то, что положено испытывать к красивым незнакомым женщинам.

Вадим Рунов был завредакцией военного канала и упустить командировку в Зону никак не мог. А Пете Морозову – их оператору – просто не повезло – если бы он очень настоял, остался бы дома – у него жена родила пятого, а седьмого они выехали. Но Рунов без него обойтись никак не мог. Еще убили техника и водителя в одном лице – Габрикова. Но его Костя знал плохо. Он был из технарей, и к ним на двадцать второй этаж забредал крайне редко.

– Друга встретил, – покорно сказал Бараско, с тоской поглядывая туда, куда они шли.

Должно быть, женщины его не очень интересовали. Или его интересовали одни блондинки. Костя еще не понял.

– Его не забудь, – сказала, сладко улыбаясь, женщина и потыкала Костю острым коготком в грудь. – Я молоденьких люблю-ю-ю-ю...

Костя готов был тут же сгрести ее в охапку, но приличия не позволяли.

– Кто это? – спросил Костя, когда они отошли.

Он пару раз оглянулся, жадно ловя в разрезе короткой юбки светлую полоску кожи. Прошло уже больше двух недель, как Костя последний раз общался с женщинами. Для него это была целая вечность.

– Кто? – переспросил Бараско, думая совсем о другом.

– Ну, эта... твоя знакомая?

– А... – неопределенно произнес Бараско.

Костя понял, что задал несвоевременный вопрос, и тут же исправился:

– Так кто такой Сидорович?

– Сидорович? – задумчиво переспросил Бараско. – От Сидоровича здесь зависит жизнь любого сталкера. Сидорович здесь царь и бог. Хозяин, одним словом!

Интересно, подумал Костя, заранее представляя, каким он его увидит – тамошнего царя и бога.

Под потолком едва тлели фонари. Откуда-то приятно дула теплая струя воздуха. Слева из подземелья доносились громкие голоса и играла музыка. А еще тянуло запахом марихуаны.

Но они пошли в другую сторону. Спустились еще на два пролета вниз, каждый раз поворачивая под прямым углом. Миновали еще одну охрану, которая их беспрекословно пропустила, и попали на самое дно, где пахло плесенью и землей, но было тихо, светло и чисто, как в раю.

Сидорович сидел за стальной дверью с крохотным окошком. Бараско уверенно постучал.

– Кто там?

– Иван Каземирович, откройте, это Бараско!

– А Бараско?! Какой Бараско?.. А-а-а... тот самый?!

Крохотное окошко с грохотом открылось.

– Я думал, тебя наконец убило. Ха-ха-ха!

В окошко выглядывал желтоглазый мужчина, сидящий за огромным столом с компьютером на фоне стеллажей, забитых оружием и амуницией. На одной из полок спал толстый рыжий кот.

Иван Каземирович был неопределенного возраста, с венчиком волос вокруг лысой макушки. Одет он был, как и Семен Тимофеевич, в безрукавку. Огромный вентилятор раздувал его редкие космы. Жирные, толстые руки, покрытые белесыми волосами, лежали на столешнице. Да, действительно, очень похож на Сидоровича из игры «Авто Зона», подумал Костя. Только нос красный и уши торчком, как у вурдалака.

– Да, тот самый! – заверил Бараско и небрежно бросил на полку перед окошком хабар.

Точнее, Костя только потом понял, что это хабар. Был он ни широким, ни плоским, ни круглым, ни квадратным – никаким. Камень, одним словом. Пройдешь мимо такого на дороге и не обратишь внимания.

– Ага... – многозначительно произнес Иван Каземирович и даже протянул трясущиеся ручки, а потом отдернул, словно убоившись обжечься, но воскликнул:

– «Анцитаур»! Еханный бабай! Прости, Господи! Что ты за него хочешь?!

Голос у него оказался визгливым, а не как в игре – с рокотом, но все равно властный, не терпящий возражений. А вот глаза были нехорошими – пустыми и равнодушными и самое странное – желтыми-прежелтыми. Таким людям никто не доверяет, подумал Костя.

– А какие расценки?

– Божеские! – Сидорович сглотнул слюну.

– Так все-таки?

– Дам шестьдесят тысяч, – сказал Сидорович так, словно боялся упустить хорошую сделку.

Кот за его спиной проснулся и выгнул спину. У него тоже были желтые-прежелтые глаза.

– За шестьдесят тысяч я уступлю, но договора не разорву.

– Ишь, хитрый! – заискивающе хихикнул Иван Каземирович и снова протянул было волосатые трясущиеся ручки и снова их отдернул. – Пользуешься моими слабостями и тяжелым экономическим положением.

– Вашим-то?! – удивился Бараско. – Клевещете вы на себя, Иван Каземирович.

– А что ты думал? Конечно, моим. На всех вас у меня денег не хватит, – говорил Иван Каземирович, не отрывая горящего взора от хабара.

Костя из любопытства тоже решил прикоснуться к легендарному хабару, но Бараско предупредил:

– Не трогай, опасно!

– А это кто? – спросил Иван Каземирович, пригибаясь и выглядывая в окно.

Кот тоже посмотрел на Костю. Из его глаз, как в мультиках, во все стороны полетели зеленые искры.

– Константин Сабуров. Москва, «Рен-тиви», – представился Костя.

Последнее у него вырвалось чисто автоматически. Привык он так представляться. Но слова «Москва» и «Рен-тиви» не произвели на Сидоровича никакого впечатления – он был занят рассматриванием камня. Зато когда Бараско произнес: «Друг мой из начинающих», и подмигнул Косте, Сидорович несказанно обрадовался:

– Молодой человек, это ж самая лучшая рекомендация! Запомните этот момент, – и даже высунул руку, и обменялся с Костей крепким рукопожатием, прикрыв при этом «анцитаур» тряпочкой, чтобы случайно не коснуться. – Ладно, ради такого случая накину еще пятнадцать.

– Двадцать! – сказал Бараско. – И деньги на бочку!

Сидорович тяжело вздохнул, но спорить не стал. На полку легли три пачки денег. После того, как Бараско их пересчитал, он снял тряпку с «анцитаура», положил на него руку и произнес:

– Ну давай, дружок, здесь тебе будет лучше.

Потом он наклонился и что-то пошептал над «анцитауром», который вмиг стал ярко-красным. По его поверхности пробежала волна. То ли вздох, то ли просто ветер от вентилятора коснулся лица Кости. Бараско удивился.

Не успел он закончить священнодействие, как Иван Каземирович цап-царап – одной рукой схватил «анцитаур», а другой – захлопнул окошко.

– Побежал прятать, – объяснил Бараско.

– А что это за хабар? – поинтересовался Костя.

– Это камень судьбы. Очень редкий хабар. Их всего-то нашли три штуки. Тот, кто им владеет, держит судьбу за это самое место, – Бараско показал на горло.

– Ну-у-у... и?.. – недоверчиво спросил Костя.

– Мы с ним договаривались. Он изредка мне помогал, – шепотом объяснил Бараско. – Ты же видишь?

– Вижу, – согласился Костя, подозревая, что Бараско разыгрывает его. – Выходит, ты его, Сидоровича, обманул?

– Ничуть. От «анцитаура» давно надо было избавиться. У меня с ним не заладилось, словно чужую судьбу таскал – ходил с немцами по кругу. А Иван Каземирович найдет для него другого хозяина. И все будут счастливы. Кстати, «анцитаур» с тобой отдельно поздоровался. Не заметил?

– Нет, – почему-то с упрямством ответил Костя.

Ему не нравилось, когда говорили о непонятных вещах.

– На моей памяти такого не было.

В голосе Бараско проскочили ревнивые нотки.

Костя уже перестал чему-либо удивляться. Ни странным разговорам в мистическом аспекте, ни намекам на инопланетный мир, ни прочей чепухе, о которой в приличных местах говорить не принято. Единственного, чего он не спросил, как Бараско теперь будет обходиться без знания судьбы. А Бараско, словно уловив его мысли, сказал:

– Но ты ведь без судьбы? Вот и я буду без судьбы, как все люди.

Костя вопросительно уставился на него – все эти слова проскакивали мимо его сознания. Правда, ему хотелось узнать, почему и как «анцитаур» с ним поздоровался, но выяснить это не дал Сидорович. Он с грохотом распахнул окошко и воззрился на них, словно увидел впервые. От его расположения не осталось и следа.

– Иван Каземирович, это же я! – напомнил Бараско, тоже мрачняя.

– Вижу, что ты, – равнодушно ответил Сидорович. – Тратить деньги будешь?

– Буду. Что ты можешь нам предложить за одну СВТ-40 и «шмайсер»?

Видать, он знал, о чем говорил, потому что в глазах Кости ни СВТ-40, ни «шмайсер» не имели никакой ценности.

– А что, в хорошем состоянии? – оживился Сидорович, но все еще оставаясь равнодушным.

– В хорошем.

– А ну покажи! – в его желтых глазах появилась жадность.

Бараско просунул в окошко оружие.

– Раритет, однако, – оценил Иван Каземирович, крутя и так и сяк вначале СВТ-40, а потом «шмайсер». – Недаром я тебя хвалю. Плохого никогда не предложишь. Да за такой хабар в Москве или Питере можно приличные деньги взять. Беру!

– А что в обмен?

– Могу «калаш» предложить, – сказал Иван Каземирович не очень уверенно, очевидно, полагая, что у него запросят что-нибудь импортное. – Три рожка в придачу.

Но Бараско не стал раздумывать.

– Четыре, – сказал он, – с патронами, пять пачек патронов и гранаты для подствольника. А еще оптику. Да, АКСУ нам не нужен.

– С оптикой вам еще шесть тысяч придется добавить, и только из уважения лично к тебе.

– Спасибо! – хитро улыбнулся Бараско и полез в карман.

– А у меня есть! – Костя выхватил из кармана ватника портмоне, которое, к счастью, не потерял, пока бегал по лесу. – А кот не продается?

– Не продается! – буркнул Иван Каземирович и побежал за оружием, но не очень так чтобы далеко и не очень так чтобы быстро.

– А почему АСКУ не нужен? – спросил Костя.

– А потому что укороченный, пугач. Для реального боя не годится. С ним только полиция ходит.

Через минуту Костя держал в руках новенький АК-74М с оптическим прицелом, лифчик с рожками и не мог поверить своему счастью. Оружие ему всегда нравилось. Оно приводило его, как самурая, в священный трепет.

– Ну, а теперь подбери для меня что-нибудь мощное, – сказала Бараско, с улыбкой наблюдая, как счастливый Костя возится с оружием, – с коллиматорным прицелом, но небольшое, и так, чтобы я ушел отсюда в штанах.

– Сделаем! – пообещал Сидорович и снова куда-то пропал.

Его долго не было. Рыжий кот с подозрением следил за обоими.

– Видать, в закрома полез, – сказал Бараско, насмешливо качая головой: Костя снимал с автомата вощенный пергамент и стирал заводскую смазку.

В свете электрического фонаря вороненая поверхность автомата казалась ему верхом совершенства, и он с восхищением поглядывал на Бараско.

Сидорович вернулся минут через пятнадцать. К этому времени они успели установить оптический прицел, а Костя смотался наверх, посмотрел через прицел на лес и прибежал в страшном возбуждении:

– Вот это да! Ну машина, ну машина! Пристрелять только осталось!

– На! – сказал Сидорович. – Специально для тебя держал «американца», SCAR-H с подствольником, в пустынном варианте, в Афгане применяется.

Действительно, в отличие от черного АК-74М, «американец» был пепельно-зеленого цвета, а его коллиматорный прицел выглядел изящнее. Кроме этого «американец» был весь словно в складочках – рифленый, не автомат – игрушка.

– Не автомат, а зверь, – хвалил товар Сидорович. – Бьет мощно. Патрон специальный, усиленный. Калибр семь и шестьдесят два на пятьдесят миллиметров. Ствол не задирает. Кучность приличная... Ну, ты сам знаешь. Его еще называют тяжелой винтовкой для дальнего боя.

– Знаю, – сказал Бараско, ловко щелкнув затвором. – То, что надо! Спасибо, дорогой. Спасибо. Ну и рожки в придачу, естественно, пять пачек патронов и гранаты для подствольника.

Но даже после приобретения тяжелого «американца», о котором мечтал каждый сталкер, он не вышел из своего меланхолического состояния. А потом повернулся, чтобы уйти восвояси.

– А деньги?! – возмутился Сидорович и даже полез мордой в окошко.

– Ну ты и крохобор! – пряча ухмылку, удивился Бараско и сунул руку в карман. – Зачем тебе деньги-то? Ты и так, как твой кот, в сметане.

– Не твое дело, – грубо ответил Сидорович, бросая деньги в стол. – Проваливай, голодранец! Проваливай! А вы, молодой человек, – Сидорович посмотрел в глаза Косте, – задержитесь, у меня к вам деловое предложение есть.

– Иван Каземирович, парень не про вас! – обернулся Бараско.

– Это не твое дело!

– Я говорю, не про вас, значит, не про вас!

– А это не твое дело!

– А я говорю, что он не про вас! И точка!

– Хорошие деньги хочешь заработать? – гнул свое Сидорович, пристально выглядывая в окошко и не обращая внимания на Бараско, который, казалось, готов был взорваться.

– Уходим, Костя! – сказал Бараско. – Уходим! – и потащил его за руку, потому что Костя словно был загипнотизирован взглядом желтых глаз Сидоровича.

И они пошли в бар.

– Сдал старик, – мрачно вздохнул Бараско. – А каким монстром был! Всех держал вот так! – и он сжал кулак.

– Он и сейчас вроде ничего... – вздохнул Костя.

– Нет, сейчас он уже не тот Сидорович. А жаль.

– Почему?

– Потому что жадным стал. Большими деньгами крутит. Зона таких не любит.

– А что он от меня хотел?

– Убийц он ищет, – просто сказал Бараско.

– Каких убийц? – удивился Костя и даже остановился.

– Обычных. Тех, кто людей убивает.

– А-а-а... – протянул Костя, вроде бы что-то поняв. – А зачем ему убийцы?

– Как зачем? – удивился Бараско. – Людей убивать.

– Здесь прям как в Москве, – поежился Костя.

– Хуже, Костя, хуже. Здесь Зона! А за Зоной Дыра, и что там творится, никто не знает.

* * *

Бар назывался «Сто рентген» и находился так глубоко под землей, что многие сталкеры, бывало, не могли из него выбраться на своих двоих.

– Помнишь, что сказал тебе Джангер? – все больше мрачней, спросил Бараско, меняя грязный бинт на чистый платок красного цвета и приглаживая заскорузлой пятерней ежик на голове.

– Да, – кивнул Костя, обходя человека, который лежал поперек коридора. Из-под человека растекалась лужа. Тон Бараско давно ему не нравился, но приходилось терпеть. И какая муха тебя укусила? – удивлялся он.

Похоже было, что после разговора, Бараско не нравилось подземелье. Но Костя ошибся.

– Я тоже думал, что схожу пару раз, заработаю денег и отвалю. Но Зона не отпускает. Понимаешь? Это как на войне. Когда воюешь, тебе страшно, ты клянешь ее, как только можешь, а когда уходишь, она застревает в тебе, как осколок в сердце, и ты возвращаешься. Мне повезло: войны кончаются, ее солдаты остаются не у дел, а я могу в любой момент вернуться. От Зоны ведь никуда не денешься. Вот и ты попал!

– Почему? – удивился Костя, сторонясь сталкера, который ощупью пробирался вдоль стены.

Музыка становилась все громче и громче, как, впрочем, и голоса, среди которых выделялись женские. Костя поймал себя на том, что женский смех ему приятен. И вообще, здесь ему нравилось больше, чем в ночных клубах Москвы, потому что здесь все было настоящее: и сталкеры, и Зона, и враги, и друзья, и даже оружие. Костя с любовью погладил автомат.

– Помяни мое слово, и через год, и через два, и через три ты будешь бегать по здешним лесам, и другой жизни тебе не захочется. В городах ты будешь тосковать. Профессия тебе обрыднет. Женщины тебя будут бросать, как только узнают, что ты сталкер, а приятели – сторониться, потому что будут бояться и не смогут понять. Дети твои вырастут «мартышками», потому что ты обязательно подхватишь радиацию. Ты будешь счастлив только здесь. Ты научишься спать вполглаза, вслушиваться в звуки, которых нет в обычной жизни, внюхиваться в запахи, которые прилетели из других миров. Ты научишься «играть» с ловушками. А азарт будет вести тебя, как инстинкт. Дороже всего ты будешь ценить мужскую дружбу и никогда не будешь спать с женами своих приятелей. У тебя появится кодекс сталкера. Но все равно ты останешься одиночкой!

– Нет-нет, – не поверил Костя, – нет! Я не такой!

Он хотел сказать, что любит своих приятелей и их подруг, и жен и не намерен менять образ жизни. Он даже на всякий случай улыбнулся, но понял, что улыбка вышла натянутой, грубой и фальшивой. А ему вовсе не хотелось становиться причиной плохого настроения Бараско.

– Слышишь! Ты! – Бараско изменился в лице. Он прижал Костю к шершавой стене, и рука его была очень жесткой. – Ты думаешь, что самый умный?! Не перебивай! – крикнул он, приняв отчаянные жесты Кости за протест. А ему просто нечем было дышать. – Ты такой же, как и я. Я видел, как ты схватил оружие. Ты держал его крепче, чем женщину. А падшие женщины тебе нравятся даже больше, чем все твои рафинированные красотки. Ты следил за Елизаветой, я видел!

У Кости поплыло перед глазами. Он чувствовал, что еще мгновение, и он умрет.

– Мальчики! – позвал кто-то. – Мы уже жаждались.

– Идем, – ответил Бараско и отпустил Костю.

Только после этого Костя получил возможность вздохнуть, и воздух подземелья показался ему слаще меда. Еще целую минуту он кашлял и качался, прижавшись к стене, не хуже чем пьяные сталкеры. А потом встряхнулся и вошел в зал. Нет, решил он, просто так меня не возьмешь!

Здесь пахло алкоголем, ганджем, духами и потом. Сновали ловкие официанты и какие-то темные личности. Я уеду в Москву, и это все забудется, как дурной сон, подумал он с облегчением.

– А вот и наш герой! – раздался женский голос.

Костя подсел к столу и тотчас забыл о своем решении. Его понесло. Язык развязался сам собой. Стало легко и просто. Он знал за собой это качество. Если ему понравилась компания, он готов был раскрыть душу.

Бараско взглянул на него и спросил:

– Тебе какая нравится?

Косте нравились обе, но он побоялся признаться в этом. Поэтому сказал:

– Рыжая.

– Рыжей здесь нет, – усмехнулся Бараско, который все-все понимал в этой жизни, но ничего не объяснял.

– Тогда я выберу блондинку.

– Блондинка улыбнулась мне. Возьми брюнетку. Не прогадаешь.

– Хорошо, – согласился Костя и с облегчением вздохнул, потому что Завета ему понравилась с первого взгляда.

– Милый, – сказала она, приблизив губы к его уху, – я ласковая, как котенок.

От этих слов сердце у него упало куда-то в пятки, и для храбрости он выпил на голодный желудок рюмку водки и впервые понял, какой она может быть вкусной. Водка «пошла», как вода в пустыне, и ему казалось, что нет ничего приятнее этого благородного напитка. А потом он ел шашлык с зеленью, с острой приправой и слушал, как бармен за стойкой цокает языком:

– Вай-вай, какой хороший вечер! Панымаешь?!

Народа прибавилось, появились странные фигуры, и все-все они знали Бараско и кричали:

– Привет, друг!

– Здравствуй, генацвале!

– Здравствуй, Штопор! – отвечал Бараско.

– Здравствуй, Хемуль!

– Как дела Гурам?

– Лунин, с меня пол-литра!

– Да помню, помню.

– Салют, Лемур!

Потом все встали и выпили за Купреянова, который попал в проплешину, а что в ней было на самом деле, никто не знал. Может, «аттракт», может, «ведьмин студень», а может, что-нибудь новенькое. Никто ведь не проверял. Остались от Купреянова только одни черные сосульки – как говорят сталкеры, и брызги. От человека всегда много брызг остается.

Через полчаса все сталкеры казались Косте прекрасными людьми, и он даже простил Бараско, который обнимал свою блондинку и совершенно не пьянел.

– Не пей много, милый, – сказала ему на ухо Завета и покачала головой. – Все равно тебе за ним не угнаться.

– За кем? – спросил он и, набравшись храбрости, обнял ее за талию.

Кожа у нее оказалась нежная, как бархат. А еще он страшно хотел утонуть в ее волосах.

– За кем? – удивилась она и сотворила с ним одними глазами такой фокус, от которого у него сладко ёкнуло сердце. – За Редом Бараско – черным сталкером!

– Он черный сталкер?! – несказанно удивился Костя.

– Да, Ред Бараско – черный сталкер. Он здесь первый парень на деревне.

Костя хотел сказать, что знает его как полиция, но на всякий случай промолчал. Мало ли что. Кто-то ему рассказывал, что черный сталкер вечен, что он арестант, несчастный человек, бродящий из Зоны в Зону, что он меняет имена, что у него больная дочь Мартышка, что он всю жизнь ищет для нее лекарство, но не может найти, и как только найдет это лекарство,

будто бы все Зоны закроются. Это сенсация, понял Костя. Эх, связаться бы с редакцией. Такой материал пропадает. Такой материал!

* * *

– Костя, вставай! Вставай быстрее! – Бараско тряс его за вихры. – Слышишь?!

Костя поднял голову и тут же уронил ее на подушку. Смятые простыни, голое женское тело. И вообще, какая-то странная комната без окон, но с единственной голой лампочкой под потолком.

– Где я?.. – простонал он.

– Давай! Давай! – тормозил его Бараско. – Опохмеляйся, и уходим. У нас одна минута.

– А что случилось? – спросил Костя заплетающимся языком, ловя губами горлышко бутылки, из которого лезла непокорная пена.

– Шмон! Шмон! – быстро объяснил Бараско, суя ему одновременно одежду и автомат.

Женское тело рядом с Костей встрепенулось.

– Мальчики, дайте и мне...

Завета сделала большой глоток и стала торопливо одеваться, никого не стесняясь. У нее были большие черные соски. Косте почему-то было стыдно смотреть в ее сторону, пока она не прикрылась.

– Мальчики, я с вами!

Только тогда Костя сообразил, что шмон – это, действительно, серьезно. Через мгновение он уже прыгал на одной ноге, стараясь второй попасть в штанину. А рубашку и ватник одевал уже на ходу. Потом они убегали, но не наверх, а вниз, в бар. Где-то наверху слышались грубые голоса и крики:

– Эй, дарагой, падажды!

– Да здесь они, здесь! Я задом чую!

– Пацану голову отрежу и принэсу Сэдоровичу!

– Нет, мошонку выдернем! – веселился кто-то, похоже, Лемур.

От преследователей их отделяло всего лишь пара лестничных пролетов. Бряцало оружие, гремели сапоги. Перепуганный официант уже ждал с распахнутой дверью.

– Прямо и налево, а потом направо. Но в первый люк не суйтесь, а бегите к последнему.

Наступила тишина. Только их шаги раздавались в гулком коридоре. Где-то лилась вода, и далеко-далеко, казалось, звенел комар.

Костю отчаянно тошнило. Пару раз он пытался освободить желудок, но в нем ничего не было. Бараско не ждал. Он уходил все дальше и дальше. Только все понимающая Завета возилась с ним. Из его молодого организма лился лишь один желудочный сок.

– Ну давай, дружок, ну давай быстрее!!! Давай автоматик, давай!

Но Костя автомата не отдавал, а твердил:

– Не надо... не надо... я сам.

Ему было стыдно, что с ним возятся, как с маленьким больным ребенком.

Неожиданно потянуло сквозняком, и тогда он сгруппировался и побежал, правда, его мотало от стены к стене. Бараско терпеливо их ждал у самого последнего люка.

Они поднялись на один этаж и побежали снова. На развилке Завета вдруг остановилась:

– Я пришла, – она показала в сторону коридора, убегающего в темноту. – Там мой дом...

– Прощайтесь быстрее, – сказал Бараско, потому что Костя счел нужным расстаться с Заветой по всем правилам любовного этикета, то есть обнимался, целовался, и прочие романтические штучки, к которым привык в своей Москве и которые Бараско считал телячьими нежностями.

– Ну все, все! – она оттолкнула его, косо взглянув на злое лицо Бараско.

– Мы еще увидимся? – спросил он, как показалось ему, очень пошло и банально, к тому же мешал Бараско.

– Не знаю, – сказала она, все больше раздражаясь. – Иди же, иди!

Костя, оглядываясь, поплелся за Бараско. Сердце его разрывалось на части. Ему казалось, что все кончено, что у него никогда не будет такой женщины, как Завета, что только с ней он может испытывать бесконечное счастье и блаженство.

– А ну давай колись! – вдруг сказал Бараско, когда они отошли с десятков шагов и остановились под фонарем.

– В смысле? – переспросил Костя.

– Как ты думаешь, почему они за нами гонятся?

– Понятия не имею! – позволил он себе чуть-чуть дерзости.

– Я имею! – одернул его Бараско. – А ну подними руки!

– Зачем? – удивился Костя.

– Ну подними, подними!

Пришлось Косте подчиниться. Рука Бараско уверенно полезла в правый карман телогрейки и замерла.

– Достань сам! – глядя в упор, велел Бараско.

– Что достать?

– То, что у тебя в кармане!

– Там ничего нет. Старый носовой платок.

– А ну достать!

Костя сунул руку в карман и нащупал какой-то предмет, а когда достал его, то едва не уронил на пол. Это был знаменитый хабар Бараско, камень судьбы. На этот раз он, как карантица, окрасился в зеленый цвет.

– Как он у тебя оказался?! – грозно спросил Бараско.

– Понятия не имею... – ответил Костя, едва не плача. – На... возьми... это же твой камень...

– Ты что, спятил? – удивился Бараско.

– Как? Я не понимаю? – спросил Костя растерянно.

– А эта?.. – Бараско мотнул головой в ту сторону, куда ушла Завета. – Вы в сговоре?

– Да ты что?! В каком сговоре? – возмутился Костя.

– Слушай меня! Дело было так. Ты проболтался о камне судьбы. Перед тем, как лечь в постель, она сбегала к Сидоровичу и, я уж не знаю, как, но завладела камнем. Но Сидоровича... ведь женщины не интересуют... Он стар и жирен.

По мере того, как Бараско рассуждал, уверенность его падала. Затем он вообще замолк и в недоумении уставился на Костю.

– Что?.. – поинтересовался Костя, но без особой надежды, что Бараско образумится.

Казалось, Бараско видит Костю впервые.

– Ты прав... – вздохнул он. – Прости... Не сходится. – Растерянно почесал затылок. – Выходит, этот камень к тебе сам припрыгал? Так, что ли?..

– Я не знаю, я его вообще не трогал, да он мне и не нужен, – и Костя в отчаянии хотел кинуть камень на землю.

Но во-первых, камень не упал, он словно приклеился к ладони, а во-вторых, Бараско рассмеялся:

– Все! Я же говорю, что ты попал. Он тебя выбрал и стал, как у нас говорится, ангелом-хранителем. На моей памяти такой случай первый. Чем-то ты ему приглянулся.

– Чушь! – не поверил Костя.

– Нет, не чушь, а грубая реальность! – отрезал Бараско. – А заключается она в том, что нам нужно уносить ноги. Теперь все сталкеры будут на нас охотиться. Так что не обессудь их

и Сидоровича Ивана Каземировича заодно, потому как по их понятиям ты украл ценнейший хабар. Но от него ты избавиться не сможешь, даже если очень захочешь. Это твоя судьба. Зато и опекать он тебя будет по полной программе. Надеюсь, и мне что-нибудь от этого перепадет. А теперь уходим!

И действительно, преследователи снова были совсем близко.

– Эй! – кричал Джангер, выглядывая из-за поворота. – Ред, отдай нам своего мальчишку! Ты нам не нужен.

– А вы знаете, что у него есть? – спросил Бараско, демонстративно заряжая подствольник.

– Знаем! Поэтому и не стреляем. Отдай по-доброму!

– Берите, если сможете! – с задором крикнул Бараско.

– Мы-то сможем, но и ты не уцелеешь!

– Сидорович им хорошо заплатил, – сказал Бараско, краем глаза наблюдая, как Костя поднимается по скобам на следующий уровень. – Иначе бы они не полезли. Не дураки же они, в самом деле?!

– А еще им, видно, обидно, – самодовольно поведал Костя сверху.

– В чем?

– Ну, в том, что камень ко мне пришел, а не к ним.

– Ну конечно, – с иронией согласился Бараско, в два рывка преодолевая лестницу. – Опять начал хвастать!

– Я не буду... – буркнул Костя.

Напоследок Бараско сунул «американца» в люк и выстрелил. Раздался взрыв, из люка пыхнуло дымом, и оттуда донеслись крики, проклятья и стоны.

Когда они выскочили на поверхность, оказалось, что стоит глубокая ночь. Если бы не Бараско, Костя вряд ли бы сориентировался по звездам. Но на этот раз все пошло не так, как хотел Бараско. Вместо болота с тайной тропинкой, которая раньше выводила напрямик к реке Припять, она почему-то теперь заворачивала все дальше на восток, все больше в непролазные заросли, все ближе к минным полям и проволочным стенам с электричеством.

Рассвет они встретили в странных холмах, поросших соснами и усыпанных толстым слоем бурых иголок.

– Все! Привал! – устало сказал Бараско, валясь на мягкую хвойную подстилку. – Это все твой «анцитаур».

– Почему? – удивился Костя.

– Потому... – пробормотал Бараско и замолк.

Костя тоже улегся и с вершины холма принялся рассматривать в оптику редкий сосновый лес. Однако метров через пятьдесят уже ничего не было видно, кроме ярко-зеленого подлеска и коричневых стволов деревьев. Слева была круглая поляна диаметром метров тридцать, заросшая земляникой. Даже на холм залетали соблазнительные запахи. Справа – такой же холм, только с двумя горбами. Позади – лощина, уходящая в молодой лес. Так вот, за этим молодым леском чувствовался простор, словно там был выход из Зоны. Не успел Костя подумать о том, что это очень и очень странно, как оттуда донесся паровозный гудок, а вслед за ним возник перестук колес.

– Слышишь? – спросил Костя и посмотрел на Бараско.

Черный сталкер спал беспечно, как младенец. Чешуйка сосновой коры прилипла к его губе и смягчала резкие черты лица. Красный платок на шее делал этого человека глубоко несчастным. У Кости возникло такое ощущение, что он что-то знает о нем. То ли где-то читал, то ли слышал, но припомнить, хоть убей, не мог. А не тот ли это сталкер, о котором писали Стругацкие? – подумал он. Звали его, кажется, Рэдрик Шухарт из «Пикника на обочине». Нет, не может быть, подумал он. Когда это было? Сейчас совсем другие времена. Похож, но, скорее всего, не он.

Странный все-таки мужик, подумал Костя – то просится вместе идти, то дерется. Не понять его. Вроде бы что-то не договаривает. Намекает на какие-то планы, но не раскрывает их. Говорит загадками. Плетет заговоры. Опасается, что ли?

Если бы Костя был постарше и поопытней, он бы знал, что есть такие люди – закрытого типа, которые не склонны раскрывать душу. Но Костя этого не знал, поэтому странные отношения с Бараско тяготили его.

Стук колес становился все ближе и ближе, и когда казалось, что из-за леса вот-вот покажется состав, раздался такой громкий гудок, что Бараско встрепенулся и открыл глаза.

– Что это? Что это?! Господи, ну и везет нам! – он вскочил. – Там когда-то была железная дорога, – объяснил он. – Но потом ее разобрали, чтобы мужики окрестных деревень не лазили в Зону за дармовым железом. А поезда по-прежнему идут! И ездят на этих поездах очень и очень нехорошие люди и разные чудовища. Сам я ни на одном таком поезде никогда не был, но попасть на него считается большой удачей, ибо он привезет тебя туда, куда ты хочешь.

– А куда мы хотим? – спросил Костя.

– Как куда?.. – растерянно почесал затылок Бараско, явно стараясь не выдавать секреты.

– Но ведь куда-то же мы идем? – напомнил Костя.

– А-а-а... ну да, конечно, идем.

– А куда? – не отставал Костя.

Воздух был – как лесной сироп, настоящий на запахах шишек и хвои. Таким воздухом хотелось дышать и дышать. Но и надыхаться им было невозможно.

– Как куда? Вот ты, ей богу, как репей! В Зону, конечно. Говорят, там этот самый Выброс должен произойти.

– А зачем нам Выброс? – Костя едва успевал за Бараско, который уверенно двигался по лесу.

– Выброс на то он и Выброс. Хабар выбрасывает. Только я никогда на Выбросы не хожу, потому что радиации много. Да и хабар там известный: «пустышки», «аккумуляторы», которые уже никого не интересуют, какая-то «панацея» от всех болячек и бед.

Ага, понял Костя, должно быть, этой самой «панацеей» с червяками меня и поил Семен Тимофеевич.

– «Ведьмин студень», слышал, приспособили, что-то вроде вечного двигателя соорудили. «Брызги», «браслеты» и прочая ерунда. Это уже считается старьем. Дыра – вот цель нашего путешествия!

– Слушай, Ред, – Костя впервые так его назвал, – тогда надо было с нашими идти!

– Ну, во-первых, они бы меня шлепнули.

– Как бывшего полиция, – напомнил Костя.

– Ну да! – быстро согласился Бараско. – А во-вторых, ты должен знать, что Дыра открывается только чистым натурам.

– Как это? – удивился Костя.

– Ну людям, которые не погрязли в грехах и разврате цивилизации. По сути, Дыра у каждого своя, и что ты хочешь получить, то и получишь.

– Так это ж метафизика! – воскликнул Костя. – Мы это в универе проходили!

Бараско искоса посмотрел на него и хмыкнул:

– Наивный ты парень, как я погляжу. Какой универ?! Это, брат, космос, а он посложнее всяких институтских лекций. Ложись! – успел крикнуть он.

Костя, наученный горьким опытом, беспрекословно шлепнулся на землю, откатился под елки и услышал свист гранаты, выпущенной из подствольника, а потом ощутил взрыв, удар в плечо, и на него посыпались сосновые иголки. Он оглох на левое ухо, а плечо онемело, словно по нему ударили дубинкой.

– Русс, сдавайся! – услышал он.

– Бараско, едрить твою налево! Отдай наш хабар!

– Отдай, живым уйдешь.

– А хрен вам! – крикнул Бараско, и тут же застрекотал его «американец».

А потом они побежали, не разбирая дороги.

– Контузия это! Контузия! – объяснял Бараско на ходу и срезал очередью двоих, которые выскочили из кустов.

Больше их никто не преследовал. Костю тошнило, качало, и стрелять он не мог, потому что плечо просто разламывалось от боли.

Глава 4. Бронепоезд

За елками все громче что-то пыхтело, как стадо рассерженных гиппопотамов. Показалось огромное и длинное тело бронепоезда, оцетинившееся орудиями и пулеметами.

В кустах они едва не налетели на бойца, справляющего нужду. Потом увидели еще одного с АК-47 через плечо. Боец занимался тем, что пожирал содержимое банки с тушенкой. Рядом стоял второй и глушил водку из горла.

Бойцы были похожи друг на друга, как две капли воды.

– Да это ж клоны! – воскликнул Костя, чуть приходя в себя.

– Ну клоны, так клоны, – пожал плечами Бараско. – Какая нам разница, главное, что свои.

– А? Что? – спросил Костя, прикладывая ладонь к поврежденному уху.

– Я говорю, какое нам дело! – крикнул в него Бараско во все горло.

– Чего ты орешь?! – обиделся Костя. – Я хорошо слышу.

– Пойдем быстрее! – сказал Бараско, оглядываясь на всякий случай по сторонам и направляясь к бронепоезду.

– Заметут нас, – сказал Костя. – Как пить дать, заметут.

На одном из вагонов аршинными красными буквами было написано: «Смерть врагам СВ!!!» Костя не успел понять, что это означает. Сыграли «сбор», и из подлеска стали выбегать бойцы-клоны, подтягивая штаны и лихо защелкивая ремни. Кое-где блестели штыки.

По платформе станции «Букино» уверенно расхаживал в окружении свиты командир бронепоезда в полевой форме СА семидесятых годов. На груди у него сияла, слепя глаза, Звезда Героя России. Он то и дело поглядывал на часы, и вид у него был строгий.

По виду отцы-командиры тоже были клонами разных серий, но с индивидуальными чертами лиц.

Бараско и не думал попадаться им на глаза, но пройти под футбольными воротами, которыми заканчивалась тропинка, он не мог, потому что в таких местах обычно сидели ловушки. А рисковать даже ради бронепоезда с грозным названием «Смерть врагам СВ!!!» он не хотел.

– А вот еще двое! Пожалуйста, вот вам дисциплина! – увидел их командир бронепоезда. – Бойцы, где вы шляется?! – крикнул он громоподобно. – Ко мне! Живо!

Им ничего другого не оставалось, как подчиниться и резво подбежать к суровому командиру.

– Где вы шляется?! –

Его голос эхом разносился над станцией «Букино», железной дорогой и затихал лишь в густом лесу. Даже небо притихло в ожидании грозы, приняв его голос за раскаты грома.

– По нужде отлучились, – миролюбиво ответил Бараско.

– А вас не спрашивают! – оборвал его какой-то младший лейтенант с широкими плечами и массивными бицепсами, на которых, казалось, готова была лопнуть гимнастерка.

Его юный возраст и интеллигентные манеры говорили о том, что он призван из «пиджаков». К тому же он с таким обожанием глядел на командира Березина, что это наводило на некоторые размышления.

– Младший лейтенант Нежный! – скомандовал командир. – Живо в свой взвод и проверьте наличие состава!

– Есть проверить наличие состава, – по уставу ответил младший лейтенант Нежный, вернулся на каблуках так, что во все стороны полетела галька, и побежал в хвост бронепоезда.

Ишь, адвокатишка, подумал командир славного бронепоезда, глядя ему вслед, из умников, а туда же в кадровые – примазывается. Надо будет его на всякий случай в атаку послать, проверить его судьбу и смелость.

– Из какой роты? – поинтересовался командир, скрипнув зубами.

– Товарищ командир, это «не наши»... – подсказал старший лейтенант Жулин из серии лейтенантов, то есть сублильный, с прыщиками на лице.

– Как не наши? – удивился командир и, склонив голову набок, стал внимательно разглядывать Бараско и Костю.

Его сухое лицо аскета было исполнено небывалой решимости. Короткая щеточка усов подчеркивала мужественность и волю.

Под взглядом его серых глаз Костя Сабуров невольно вытянулся, а Бараско убрал в лица насмешливое выражение.

– Оружие же наше? – сказал командир, глядя прежде всего на Костин АК-74М, который очень походил АК-47. – А у тебя что? – спросил он, обращаясь к Бараско, так ничего и не поняв.

– Мы из десантников, из разведки, – наклонившись и проникновенно прошептал Бараско, на всякий случай пошевелив плечом, на котором висел «американец».

– Ах, ну да-да... – вспомнил командир и хлопнул себя по лбу. – Как же я забыл! – При этом фуражка у него слетела куда-то на затылок. – Ну, и как там разведка? – поинтересовался он, водворяя фуражку на место.

– Товарищ командир! Товарищ командир! – раздалось издали. По щебенке лихо бежал офицер. – Федор Дмитриевич!

– Товарищ командир, – попросил Бараско, – разрешите пристать к вашей бригаде? У нас разведданные имеются.

– Приставайте, – кивнул грозный командир. – Бегите в девятый вагон к старшине Русанову. – Скажете, чтобы зачислил на довольствие. А потом явитесь с докладом к начальнику штаба, генерал-майору Чичвакину и дадите разведку.

– Есть! – обрадовался Бараско, однако «честь» не отдал, потому что был без головного убора.

– Товарищ, командир... – наконец подбежал запыхавшийся офицер. – Немцы!

– Где?! – присел командир, выпятив зад, и стал разглядывая из-под руки кусты, но так ничего и не разглядел. – Сигай по вагонам! – отдал он команду.

– По вагонам! – продублировали в начале.

– По вагонам!... – продублировали в конце.

Бронепоезд со звучным названием «Смерть врагам СВ!!!» дернулся, колеса его один раз прокрутились вхолостую. Локомотив окутался белыми клубами дыма, издав страдальческий скрипящий звук, и состав, оцетинившись орудиями главного калибра, а также крупнокалиберными пулеметами всех типов и видов, двинулся в свой роковой путь.

* * *

Старшину Русанова они нашли за раздачей кальсон.

– Какой размер? – спросил он, даже не взглянув на вошедших.

– Нам бы на довольствие... – попросил Бараско, вдруг оробев перед старшиной.

– Всем на довольствие, – ответил старшина, считая наволочки и что-то внимательно помечая в грессбухе, – честное слово.

Его огромные, как у Буденного, усы шевелились сами по себе, словно жили отдельно от лица. На границе же между лбом и носом легли глубокие складки тяжелых раздумий. А вообще, он был старым и сморщенным, как высохшее яблоко.

– Хм, хм... – промямлил Бараско. – Командир... Березин... приказал...

– Мало ли что приказал... – в тон ему ответил старшина Русанов, и усы у него снова ожили, однако умеренно агрессивно, словно знали, что грозит за подобный ответ.

– Так... что ему тогда доложить?..

– А ну смирно, боец! – старшина Русанов приподнялся. – Руки по швам! Вы где находитесь?!

– Ну... на этом, как его, бронепоезде... – неуверенно ответил Костя, потому что Бараско вовремя не нашелся.

– Вот именно! – старшина Русанов поднял указательный палец. – На славном бронепоезде, носящим боевое название: «Смерть врагам Советской Власти!!!» Честное слово!

– Ну и что?.. – терпеливо переспросил Бараско, выставив ногу, как проститутка на панели.

– Не нукай, не запряг! – грозно сказал Русанов. – Я бы вообще попросил тут не выражаться, а то караул вызову! – Однако тут же спросил проникновенным шепотом, предварительно выглянув из купе. – В какой взвод хотите? У нас есть два хлебных места, честное слово. В продовольственный склад вы не пойдете, потому что я здесь командую, второе место в помывочной – банщиком. Ну а там – что перепадет по ходу боевых действий.

– В смысле?.. – недоуменно спросил Бараско.

– Не в смысле, а все то, что не по уставу – ваше, ну, и от похоронной команды, если договоритесь, а за это ребят пустите первыми мыться.

– А что с предыдущими банщиками?.. – спросил Костя, подозревая все самое худшее.

– Померли. Царство им небесное, – старшина Русанов, оглянувшись, быстро-быстро перекрестился. – В первом же бою свои застрелили, честное слово.

– Не-не-не... – сразу сказал Костя, – я в банщики не пойду!

– Я тоже, – открестился Бараско. – Еще чего!

– Ну тогда, братцы, есть еще две вакансии: угольщиком и фонарщиком. Один в начале бронепоезда, другой в конце.

– А с ними что приключилось? – на всякий случай спросил Бараско.

– Один загляделся на огонь и упал в топку. Второй – загляделся на убегающий путь и выпрыгнул на ходу. Обоих считают дезертирами. Честное слово! А вы кто такие? – вдруг с подозрением спросил старшина, разглядев их странные автоматы.

– Сталкеры! – выпалил Костя в надежде, что старшина образумится и перестанет нести чушь.

– Какие сталкеры? – оторопел старшина. – У нас таких должностей по штату не значится!

На этот раз усы у него даже не шевельнулись. Видать, и им слово «сталкер» показалось незнакомым.

– Да из разведки мы, из разведки, – панибратски добавил Бараско. – Командир ваш велел поставить нас на довольствие.

– Березин, что ли? – спросил Русанов, невольно щелкая каблуками.

Усы же его вытянулись в струнку, а на лбу прорезались мучительные складки.

– Наверное, мы не знаем, – кивнул Бараско, – мы его только по имени Федотом кличем.

– Ну-у-у... у нас один командир, – сделал умозаключение старшина Русанов. – Ракетчик! Герой Ханкин-гола и России! Лично сбил АВАКС. Разумеется, не из рогатки! Но это тайна! За ним охотится ЦРУ и все разведки мира. А раз вы друзья командира, то считайте, договорились. Вы знаете, как я люблю своего командира? – спросил он проникновенно, и скупая мужская слеза скатилась по его небритой щеке.

– Как? – наивно спросил Костя.

– Он лично со мной консультируется. Вначале мы выпиваем с ним по стакану коньяка, а потом он спрашивает: «Подскажи мне, товарищ Русаныч, как бы ты эту военную операцию спланировал? Мысли у меня есть, а ничего не выходит, честное слово!» А я ему, конечно, со всей прямоотой говорю: «Надо главным калибром бить – наверняка!» «Как плохо, что у меня нет спец-БЧ! Одни пушки и снаряды», – вздыхает наш славный командир. Я ему, конечно, со всей прямоотой, на которую способен: «Это потому что вокруг вас одни враги. Извести вас

хотят, поэтому спец-БЧ и не дают. Было бы у вас спец-БЧ, вы бы эту Зону в порошок стерли бы». «Правильно, – отвечает он мне. – Один ты у меня честный такой! Подожди, дадут мне маршала, я тебя тут же сделаю генерал-лейтенантом». «Спасибочко, – отвечаю я гордо, – мне и на моем месте неплохо». А он мне честно тоже так отвечает: «На твоём месте любая дворняга служить может, а на моем только служебные псы». Передавайте ему большой коммунистический привет!

– Передадим, – не моргнув глазом, пообещал Бараско.

– Сейчас я вам выдам сухой паек.

– Паек – это хорошо! – обрадовался Бараско.

Старшина выдал им: кускового сахара, заварку, четыре банки тушенки, густо залитые солидолом, украинское сало, посыпанное укропом, и два каравай серого, мягкого, душистого хлеба.

– А где нам найти начальника штаба Чичвакина? – спросил Бараско распахивая все это богатство по карманам и подсумкам. Косте он почему-то ничего не доверил.

Тяжело вздохнул старшина Русанов:

– Я вас лично отведу. Понравились вы мне очень, честное слово. А на службу можете не ходить. Можете у меня в каптерке спать. Мне свои люди вот так нужны! Друзья командира – мои друзья, честное слово. Клянусь, как только в первом же бою освободится должность в стрелковых командах, я договорюсь, и вас на них определят, я думаю, сразу командирами. А пока пошли искать начштаба.

Старшина Русанов разгладил усы, которые и без того были верхом совершенства, встал в стойку стайера, то есть наклонился вперед, оперся на правую ногу, левую отвел назад, прижал руки к груди, набрал полную грудь воздуха, зачем-то повилял задом и, как заяц, с места в карьер развил огромную скорость. Костя с Бараско едва успевали за ним.

– Чичвакин! – кричал старшина у каждой бронированной двери, мимо которых они пробегали. – Чичвакин!

При этом он даже не притормаживал, словно его совершенно не интересовали результаты поисков, а выглядывавшим ему вслед людям отвечал:

– Мы Чичвакина ищем! Мы Чичвакина ищем!

– А-а-а... Чичвакина! – радостно кричали они тоже.

В штабном вагоне его не было, в следующем – тоже. В третий их не пустили, сославшись на приказ свыше. Полезли на крышу. Ветер свистел в ушах, как сумасшедший. Искры из паровозной трубы лезли в глаза.

– Чичвакин! – кричал старшина в сторону леса. – Чичвакин! Товарищ Чичвакин! – надрылся он. – Мы здесь!!!

Молчаливые березы и сосны проносились мимо, как тени. Небо клонилось к земле. Бронепоезд летел, не разбирая дороги. Ой, что-то будет, заподозрил Костя.

– Нет Чичвакина! – растерянно заявил старшина Русанов. – Должно быть, где-нибудь сошел.

Они добежали до самого паровоза, где старшина Русанов даже поковырялся в куче угля и произвел короткий допрос оробевших кочегаров на предмет Чичвакина.

– Какой Чичвакин? – тупо переспрашивал старший кочегар. – У нас таких сроду не бывало. Может, вам Сидоров нужен? Сидоров, иди сюда!

Русанов только махнул рукой. Побежали назад. Через третий вагон их теперь пропустили беспрепятственно. Там сидела огромная свинья, похожая на чудовище. Она копалась в корыте и громко чавкала. Вокруг нее бегал и хрюкал целый выводок таких же чудовищ.

– Сюды хады! Назад нэ хады! – отчеканил часовой Айсер из серии чукчей.

– Быстрее! – покрикивал старшина. – Быстрее! Еще быстрее!

Его заносило на поворотах, но зато он лихо срезал углы. К тому же, он, как еж, совершенно не мигал, выпучив глаза, и глядел перед собой, как положено в уставе, строго на расстоянии трех с половиной метров. «Цок-цок, цок-цок!» – выбивали его подбитые набойками офицерские сапоги. Несомненно, его модель была сделана из особой серии – серии прапорщиков на должности старшин.

На третьем круге Костя заподозрил что-то серьезное. За полчаса они три раза обежали весь бронепоезд: от злополучной каптерки старшины до узла связи и наблюдательных пунктов в первом вагоне, и уже, как на подводной лодке, неплохо ориентировались во всех лабиринтах и переходах. Для очистки совести заглянули даже в галюны. Таинственный Чичвакин как в воду канул. А brave старшина только вошел во вкус, только и знай себе увеличивал скорость. Даже выносливый, как джейран, Костя стал сдавать, а Бараско давно перешел в арьергард и мотался где-то позади, волоча своего «американца».

– Товарищ старшина! Товарищ старшина! – Костя догнал Русанова и помахал ладонью перед его лицом. – Может, этого самого Чичвакина вообще в природе не существует?

– Как это так?.. – очень удивился старшина и, стирая набойки до искр, тормознул как раз в тамбуре между бронеплощадкой и камбузом. Глаза его приняли осмысленно выражение. – Чичвакин имеет место быть, честное слово, – будничным голосом объяснил он. – Просто на данный момент он отсутствует на месте присутствия. Может, вам сгодится кто-нибудь другой?

– Никак нет, – ответил Костя, который в одночасье выучил строевой язык. – Нам нужен именно Чичвакин.

– Кому здесь понадобился Чичвакин?! – услышал он у себя за спиной грозный голос.

Вот теперь точно заметут, поворачиваясь через левое плечо, понял Костя.

– Товарищ генерал-майор! – щелкнул каблуками старшина. – Вот новобранцы. Разыскивают вас, честное слово.

– Новобранцы – это хорошо, – окая по-волжски, сказал Чичвакин. – Лет сто нам новобранцев не присылали. Значит, помнит о нас Большая земля, помнит. Это хорошо-о-о... Ты кто по специальности? – ткнул он пальцем в Костю.

– Наводчик! – выпалил Костя.

Одни раз, еще в пятом классе, когда он еще жил в Питере, их возили на артиллерийские позиции, и Костя там крутил у пушки колесо наводки. Выстрелить только не дали, хотя в прицеле пушки основательно запутался какой-то крейсер. Зато вдоволь накормили армейскими щами, кашей, чесноком и дали возможность безгранично долго собирать и разбирать автоматы. В итоге, из десяти разобранных автоматов они всем классом собрали один АК-47.

– Молодец! Хорошо! – похвалил генерал, не замечая Костиного АК-74М. – Наводчики нам нужны. Без наводчиков нам плохо.

Португеза на нем скрипела, как снег в морозную ночь.

– А ты кто? – спросил он у подбежавшего и вконец задохнувшегося Бараско.

Бараско мгновенно спал с лица и стал блее мрамора. Он беспомощно покосился на Костю, не поняв о чем идет речь, и выпалил:

– Вертухай, ваше благородие!

С минуту генерал-майор Чичвакин бессмысленно смотрел на Бараско. Костя вначале помертвел, а потом сообразил, что генерал Чичвакин не понял значение слов «ваше благородие». Он вообще многого не понял. Не понял, что они в гражданском, что у них совершенно необычное оружие, не понял, что они не клоны, а самые настоящие люди. Мистика какая-то, подумал Костя. Вдруг они не из этого мира, а мы уже в Дыре? Что будет? Что будет?!

– Отлично! – похвалил генерал-майор – Вертухай нам, ой, как нужны! Вертухаев у нас сколько?.. – он подумал. – Сколько у нас вертухаев? – посмотрел на старшину Русанова.

– Не могу знать! – вытянулся в струну старшина.

– Правильно! – похвалил его Чичвакин. – Это военная тайна. Если бы ответил, расстрелял бы безжалостно собственной рукой, – генерал похлопал по кобуре. – Кстати, объясни мне, старшина, почему на тебе офицерские сапоги, а не «гады»⁴, как положено по уставу? А?

Генерал-майор грозно прищурился.

– Не могу знать! – выпалил старшина.

– Переобуться по уставу! Лично приду проверю. Лично! Венгерский бардак! Развели здесь, понимаешь!

Старшина перестал дышать и ел глазами начальство.

– Спокойно, спокойно, – заметил генерал Чичвакин. – А то ты мне здесь дырку просверлишь! – ткнул себя в кокарду.

– Так точно, спокойно! – выпалил старшина, посвистывая горлом, как проткнутая автомобильная камера. – Исправлюсь, честное слово.

– Этого на бронеплощадку номер девять. – А этого в гарнизонную тюрьму!

– Е-е-есть! – лихо козырнул старшина. – На бронеплощадку, и в тюрьму!

Генерал Чичвакин по-уставному развернулся и, чеканя шаг, скрылся за дверью камбуза. Правая нога у него, между прочим, плохо гнулась, а левую генерал подволакивал.

– Вот что я вам скажу, сынки, – вздохнул старшина и вмиг стал своим, простецким, как школьный сторож, – влипли вы крепко. Но ничего не поделаешь. Надо было не Чичвакина искать, а например, Ивана Михайловича Балицкого, честное слово. Или, на худой конец, Полуэктова.

– А кто такой Полуэктов? – упавшим голосом спросил Костя, которого охватила страшная тоска. Захотелось домой, в тепло, к матери, к ее щам и сюсюканьям, которые он раньше презирал. Даже работа, в которой он еще не разобрался, показалась ему самым родным местом, и он с удовольствием сейчас посидел бы за своим столом или поехал бы на редакционное задание в какую-нибудь тьмутаракань, лишь бы только не видеть эти странные рожи.

– Это военная тайна. Теперь-то вам уже все равно. Из гарнизонной тюрьмы еще никто не выходил, а с бронеплощадки еще никто не возвращался. Ничего не попишешь, такова ваша судьба.

– Может, обойдется? – предположил Бараско.

– Может, и обойдется, кто его знает, – охотно согласился старшина, крутя диск старого, обмотанного изолентой аппарата, – только еще ни у кого не обходилось, честное слово. Вот я давеча одного знал... Архипов! Архипов! Это ты? А это я! Привет! Слушай, здесь тебе новобранца подкинули. Какого? Да хорошего, ладного, неизвестной модели. – Старшина подмигнул Косте. – Специалиста, одним словом. – Сейчас за тобой придут, – сообщил он Косте и, прикрывая трубку ладонью, спросил у него. – Фамилия? Как твоя фамилия?

– Сабуров, – ответил Костя.

– Сабуров! – крикнул в трубку старшина. – Есть! Да! Да! Да! Наводчик! У меня. Да у меня! Ну все, жду, жду. Теперь с тобой, – кивнул он Бараско и снова стал крутить диск дребезжащего телефона.

В одном месте отверстие в диске было оплавлено сигаретой, и старшине было больно управляться с диском, поэтому он не очень уверенно действовал мизинцем с длинным, грязным ногтем.

– Это гарнизонная тюрьма? Алло! А это Червень. Да, да... Нет! Другой. Нет тот, что с ушами. Не Юра, а Жора. Да, это я... Червень. Гад?.. Ты тоже гад!.. А-а-а... Ну, понял, да. Пришлите наряд. Забрать одного здесь надо. Я не знаю... Генерал Чичвакин... Да, приказал, честное слово. А что натворил? Не знаю. Ты чего натворил? – спросил старшина у Бараско.

– Ничего... – упавшим голосом ответил Бараско.

⁴ «Гады» – кирзовые сапоги.

– Говорит, что ничего не натворил. А... ну да, да, да... ну да, да, да... Да, они все такие. Да понимаю... Овечками прикидываются. Я таких знаю, знаю. Ну сволочи, одним словом. Да, да... драть надо. Согласен... А лучше сразу... и в дамки... Ха-ха-ха...

– И угораздило тебя назваться вертухаем, – упрекнул Костя Бараско. – Назвался бы радистом Зорге или караульным, на худой конец, камикадзе.

– Почему камикадзе? – удивился Бараско.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.